

The background of the poster is a detailed illustration. A woman with blonde hair, wearing a wide-brimmed military hat with a camouflage pattern, looks directly at the viewer with a calm expression. In the foreground, a man in a similar military cap is aiming a heavy machine gun. He is wearing tan tactical gloves. The scene is set in a field of tall, dry grass under a dramatic, sunset-colored sky with silhouettes of birds in flight.

ИЗ
РОССИИ
ЗА
СМЕРТЬЮ

МИХАИЛ
Рогожин

Миссия выполнима

Михаил Рогожин
Из России за смертью

«ВЕЧЕ»

2017

Рогожин М. В.

Из России за смертью / М. В. Рогожин — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-7110-0

ISBN 978-5-4484-7110-0

© Рогожин М. В., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Михаил Рогожин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Рогожин

Из России за смертью

Знак информационной продукции 12+

Во второй половине XX века в Анголе тесно переплелись политические, экономические и криминальные интересы советских партийной и военной элит. Торговля оружием и нелегальный вывоз алмазов открывали огромные возможности для личного обогащения генералов, их кураторов в Генштабе и Министерстве обороны. Проведение одной такой операции, имевшей криминальные цели и трагические последствия, положено в основу романа.

© Рогожин М.В., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

ИЗ РОССИИ ЗА СМЕРТЬЮ

САБЛИН

В туалете Саблину удалось прикурить только от третьей спички. Наконец-то можно было отдышаться! Несколько минут назад он перестал быть «фигурой». Генерал усмехнулся: «Фигура – дура». Ни на банту, ни на португальский, поди, и не переведешь... Саблин пустил струйку дыма прямо в зеркало, подле которого курил. Зеркало затуманилось, и в тумане возник щеголеватый полковник.

– Здравия желаю!

Саблин кивнул в зеркало, но рядом уже торопливо защелкнулась кабинка.

Где-то в гулком Генштабовском коридоре пробили часы.

Генерал машинально пересчитал московское время на ангольское. М-да! По ангольскому-то он еще начальник, вызывающий в Луанде и страх, и уважение. А в эту же самую минуту по московскому – «фигура – дура», торопливо прикуривающая в казенном сортире вторую сигарету от первой. Ехать немедленно в ЦК? Но в военном отделе вопрос о его переводе наверняка проговорен. Да и кто там теперь решает?... Хотя есть, есть! Советов! Удержался в перестроечной качке и продолжает курировать управление Генштаба. Он-то должен понимать, что нельзя же в самом деле так вот, на скорую руку, перекрывать такую заслуженную военную судьбу, как у Саблина. Шутка ли, столько лет в строю. Неизвестно, как еще отреагируют в Анголе. Дела международные... Правда, ни для кого не секрет, что Советов и пальцем не шевельнет ради кого-нибудь, если не будет кровно заинтересован. А то, что его зятек с недавних пор преподает в военном училище в Уамбо, – зацепка невелика. Мало, ох, мало уделял он внимания юному майору. А ведь надо было и сегодняшний денек предвидеть!

Саблин вдруг рассердился: «Небожители цековские! Напристраивают детей по контингентам, и не уследишь, от кого какая информация поступает влиятельным родственникам. Замусорили войска, а боевые задачи решать способны лишь единицы... Эх, какие кадры выбирают!»

Рука Саблина прошла по потускневшему от времени золотому шитью мундира. Конечно, надо бы заказать новый. Да ведь недосуг за делами-то, и все во имя, во имя...

Из кабины появился полковник. Он помял пальцами сигарету, небрежно спросил: «Разрешите?» И, не дожидаясь кивка генерала, щелкнул зажигалкой. Пахнуло ментоловым дымком.

«Павлин! – решил Саблин. – Все они тут павлины. Только и думают, как бы заузить форменные брюки да похвастать друг перед другом неуставными ботиночками. И таким вот доверены судьбы армии...»

Полковник же с любопытством поглядывал на генерала, молчаливо уставившегося в свое отражение в туалетном зеркале. Лицо желтовато-коричневого цвета выдавало явно ближневосточный загар, а вот о такой волнистой седоватой шевелюре лысеющий полковник мог только мечтать. Вдруг глаза генерала подернулись пугающей мутью. Полковник почтительно подтянулся, спросил:

– Вам нехорошо, товарищ генерал?

Саблин уставился на него отсутствующим взглядом, вдохнул прокуренный, с привкусом хлорки воздух и неожиданно даже для себя в сердцах выдохнул: «Засранцы!..»

Он понял: только в ЦК еще можно попытаться спасти свое положение. Да и не так прост генерал Саблин, как полагают павлиноподобные кадровики. Перед встречей с Советовым он прикажет своему референту срочно связаться с военной миссией в Луанде и передать генералу Панову всего одну команду: «Поехали!» А уж Панов медлить не станет и отдаст приказ о начале операции, столь остроумно и, главное, предусмотрительно разработанной лично Саблиным. А перестройка здесь, в Москве, – скрипучие качели. Сегодня ты внизу, а завтра – еще поглядим...

Генерал кинул в угол недокуренную сигарету и стремительно вышел, даже не поглядев на щелкнувшего неуставными каблуками полковника.

ПАНОВ

Панов лежал в ванной и отхлебывал из банки ледяное пиво. Только что по стоящему тут же на тумбочке телефону он дозвонился до Москвы и переговорил с Советовым. Как и ожидалось, дела генерала Саблина складываются хреново. Что, в общем, и хорошо. Панова всегда раздражал этот самоуверенный служака, вбивший себе в голову только две вещи – воинский устав и Программу партии. И если раньше это качество было надежным гарантом от бесконечных проверок и инспекций, то на сегодняшний день многих, в том числе и Генштабистов, стало раздражать. Панов быстро определял, когда и где начинает пахнуть жареным. Кроме того, хорошо усвоил не столько морское, сколько житейское правило: когда корабль неожиданно и резко меняет курс, надо крепче упереться ногами в палубу и каждый новый горизонт воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

Генерал выставил из воды крупную широкую ступню и, повертев ею, заметил, что пора подрезать ногти. Несмотря на большой живот, он любил это занятие. Впрочем, как и все, что касалось его дородного, холеного тела. Массивность рук и ног радовала своей зримой здоровостью. Живот, плавно покачивающийся на воде, доставлял ощущение жизненного комфорта. Даже в бане, где, как гласит поговорка, все равны, человек с таким представительным телом непременно займет достойное место!

Все тяготы воинской службы Панов уравнивал комфортом. Особенно здесь, в Анголе, где можно жить либо очень хорошо, либо слишком плохо, но практически невозможно существовать нормально. Генерал вжился в местные условия со вкусом, не перенося сюда советских привычек, а культивируя новые – заимствуя их у высшей ангольской партийной элиты и у остатков португальских предпринимателей. В Забайкальском военном округе, где он долгое время служил, Панов, несмотря на большие возможности и рождаемые ими житейские радости, ощущал себя хоть и высокопоставленным, но подчиненным, а тут он хозяин. Все в его руках, как, положим, этот кондиционер.

Захочешь – подает морской воздух, не понравилось – переключил на запахи соснового бора. Первые лица в миссии меняются, а генерал Панов остается, потому что никто в этой серо-зеленой стране не сумеет разобраться в сложных политических процессах так, как он. Ибо

в отличие от остальных советских людей ему удалось сменить сам стиль жизни, а это дается немногим, особенно когда тебе за пятьдесят.

Лежа в пятнистой мраморной ванне, Панов чувствовал себя более римским прокуратором, нежели советским генералом. Поэтому проводил в ней наиболее жаркие часы суток.

Луанду генерал не любил. Пыльный, зловонный город, обросший мусором и кишачий крысами, таил для Панова ежеминутные опасности, заразу и инфекции. Прожив много лет в районе роскошных вилл и особняков, он без провожатого не смог бы пройти по Мутамбу и спуститься в Нижний город или отыскать район, где находится один из важнейших источников его благополучия – знаменитый ангольский рынок, на котором продает и покупает вся Луанда.

Но размышлять о рыночных делах, лежа в ванной, значит, отравлять себе лучшие минуты дня. И вообще, необходимо сконцентрироваться на операции, которая неизбежно начнется в скором времени. Панов ясно представляет, как мрачный и решительный Саблин, сидя в забрызганной грязью машине, тихо приказывает референту мчаться на телеграф и заказывать срочный разговор с Луандой... С удовлетворением, наполняющим человека, знающего если не все, то хотя бы то, что с минуты на минуту придет адъютант и передаст приказ из Москвы, Панов продолжал изящными маленькими ножницами подрезать податливые мокрые ногти.

В большом овальном зеркале над ванной отразилась розовая генеральская пятка, и Панов почему-то вспомнил, как недавно, воспользовавшись отсутствием жены, улетевшей навестить сестру в Болгарии, он вызвал из госпиталя медсестру Женьку якобы для антивирусной прививки. С этой Женькой роман у него был давно. Но обычно все происходило в кабинете заведующего отделением. А тут он взял и рискнул вызвать ее домой. При воспоминании о том, как она вошла прямо в ванную комнату, где он млел от желания, генерал опустил ногу, боясь поранить оттопыренный палец. Панов называл Женьку «киргизским мальчиком», хотя она была башкиркой. Для него это было едино. Панов делил женщин на «Европу», «Азию» и «Африку». С «Америкой», правда, побаловаться не довелось, о чем он иногда в шутку говорил друзьям-соратникам, как о некоем своем «государственном» упущении. А начиналось с «киргизским мальчиком» ну впрямь как в кино...

Но эти приятные воспоминания перебили быстро приближающиеся мелкие тяжелые шаги и властный стук в дверь. Жена! Панов вздрогнул, будто под водой пропустили ток. Впервые, он ее, Светлану Романовну, терпеть не мог, во-вторых, побаивался, а в-третьих, как дальновидный человек понимал, что кому-нибудь из них придется закрыть глаза другому. Причем Панов был уверен: это будут его глаза. У Светланы Романовны в отличие от него с возрастом развилось чрезвычайно болезненное внимание к своему здоровью, пожиравшее почти все генеральское жалованье.

Когда генерал представлял, как напыщенно и жеманно она будет стоять у его гроба, как скорбно будет выслушивать панихидные речи и в своем омерзительном черном платье с люрексом величественно принимать соболезнования этих сволочей – его товарищей, ему становилось нестерпимо грустно, и он начинал жалеть, что в Луанде на дорогах слишком мало машин, а Светлана Романовна так осторожна при переходе улиц... Генерал вздохнул и под настойчивый стук в дверь уже в который раз пришел к заключению: у других жены еще хуже, и ничего – живут.

Устав стучать, Светлана Романовна заговорила быстро, прерывисто и вроде бы даже взволнованно:

– Я ездила в миссию и встретила там того самого молодого человека, майора, ну понимаешь, о ком говорю, зятя Советова.

Панов не отзывался, а лишь слегка хлюпал водой, чтобы не подумала, что он умер. Жена продолжала:

– Нельзя же так, посели его хотя бы в люкс, у него ужасный вид. Наверное, малярия, а может, просто голодный.

Панов продолжал молчать.

– Подумай, как в случае чего перед Советовым отчитываться будешь! Тебе что, уши пеной заложило?

Жена замолчала, но лишь для того, чтобы прислушаться к его плескам и перевести дыхание. Закончила сурово и властно:

– Сейчас же вылезай из ванны и займись парнем!

Удаляющиеся шаги оповестили о конце разговора.

Панов занялся своими ногтями. Откуда знать Светлане Романовне, что натворил этот мальчик? Другой на его месте уже отдыхал бы в кресле самолета, летящего в Москву. Ничего, пусть немного помается майор без генеральской опеки Панов знает, как воспитывать этих сосунков.

НАЙДЕНОВ

Найденов действительно маялся. В Луанде он никого не знал. Поэтому несколько дней слонялся по миссии в ожидании приговора командования. Поселили его в общежитии для командированных офицеров.

Более отвратительного жилища и представить себе было невозможно. Постельное белье пришлось выстирать самому, потому что чистой смены не нашлось. Накомарник выдали дырявый. Сквозь это рванье могли спокойно пролезть не только комары, но любая тварь, которой здесь предостаточно. В комнате всю ночь шла пьянка. Пахло соленой рыбой и подгнившими овощами. Найденов лежал на спине, делал вид, что спит. На него никто не обращал внимания. Жар от нагретых за день стен мучил голову, и у Найденова никак не получалось обдумать свою идиотскую ситуацию.

Иногда он засыпал, и во сне возникала Ана. Найденов тут же просыпался и со страхом смотрел на дыру от выломанного кондиционера, будто именно из нее наваливались на него сновидения.

... Ана работала редактором программы на телевидении в Уамбо. Найденова попросили помочь подправить забарахлившую аппаратуру. Провозился целый день, злясь на ангольцев, которые выполняли его приказания беспрекословно, но шиворот-навыворот. Найденов сносно говорил по-португальски, однако все чаще переходил на русский мат, который, как ни странно, его помощники понимали лучше и почтительно улыбались в ответ. Тут пришла она и принесла на подносе чашку кофе и кусок жареной курицы. Найденов так заработался, что сперва растерялся – откуда здесь иностранка? Оказалось, девушка португалка, дочь известного профессора Вентуры, преподающего в Луандском университете. Странно, но ангольцы тотчас испарились, словно работа была закончена. Найденов хоть и проголодался, но ел медленно, откровенно разглядывая девушку. Она что-то болтала про постоянные поломки на местном телевидении. А потом все пошло, как нечто, что не могло не пойти...

И вот теперь под вопросом его карьера, семейное положение и, чего греха таить, материальные выгоды от такой загранки. В семье Советова к Найденову лучше всех относился сам тесть – Михаил Алексеевич. Его устраивало, что новый зять офицер. Предыдущий муж Тамары был скульптор. Советов по-родственному выбил для него заказ на памятник Ленину. Но скульптор после долгих творческих мук круто запил и спился, оставив недолепленной голову вождя.

Интересно, донесли тестю об истории с Анной или еще не успели? Найденов понимал, что из Луанды ему прямая дорога в Москву. Поэтому думай не думай, а от него уже ничего не зависит.

...Панов в разговоре с Советовым не сообщил о ЧП с майором Найденовым. К чему торопиться? Такая новость и завтра останется новостью. Чем больше на человека компромата, тем вернее он служит. Проработать майора, как сукиного сына, по первое число и взять на корот-

кий поводок. Когда Панову позвонили из Уамбо и замполит училища, задыхаясь от страха, доложил о случившемся – разоблаченной связи офицера-препо-давателя с португалкой, генерал и сам малость струхнул. Но после недолгих размышлений прикинул выгоду от создавшегося положения. Не сегодня-завтра начнется операция, от успеха которой во многом зависит судьба и самого Панова. Операция рискованная, спланированная без согласования с центром. К ней-то майора и следует подключить. Пройдет удачно – советовский зять на награду потянет, а значит, Советов проследит, чтобы и Панов случайно из списка не выпал. А сорвется – лишний шум в Москве поднимать не будут. Как-никак зять самого Советова принимал участие в операции.

Панов мычал от блаженства, шлифуя пемзой подошву левой ноги...

РУБЦОВ

Подполковник изнывал от безделья и пил третьи сутки подряд. Жена попадалась на глаза изредка, чаще утром, и тут же исчезала, не давая ему шанса учинить скандал. Он слонялся из кухни в комнату, громко ругался: то отключали свет (беда для продуктов в холодильнике), то не было воды – и хождение в сортир превращалось в замысловатую манипуляцию с ведром, ковшами и банками. Трудно пить в подобных условиях. К тому же изнуряющая жара. Но подполковник не сдавался. Сегодня была его очередь отовариваться в кооперативе. А может, и не его. Точно не помнил. Но коль выпивка закончилась, сидеть в пропахшей перегаром квартире стало невыносимо. Хорошо, когда живешь в миссии. Все под боком. Правда, глаза и уши из всех щелей. Подполковник не любил этого. Поэтому нашел себе квартиру подальше, за Марджиналом. Вокруг сплошняком местное население – твори, что душа пожелает, никто и не пикнет. А творил подполковник разное. Выпив, становился буйным, начинал переворачивать мебель. Наутро, похмелившись, виновато доставал привезенные из Союза инструменты и начинал чинить. Посуду же клеить отказывался – мол, дурная примета, поэтому в хозяйстве были в основном жестяные банки из-под пива, арахиса и тушенки. Жену бил нечасто, но подолгу. С передышками и взаимными оскорблениями. Вообще-то, если разобраться, довольно сложно было установить, кто в конечном счете оказывался побитым. Подполковник всю жизнь прослужил в десантных войсках и даже в самом невменяемом состоянии понимал, что одним ударом может убить ожесточенно сопротивляющуюся жену. Поэтому бил шлепками, как ребенка. Нинка, наоборот, в драке выкладывалась полностью, словно хотела отомстить за все несостоявшиеся девичьи мечты. Обычно в ее руках оказывался какой-нибудь предмет, чаще всего мужнин тяжелый ботинок, которым она настойчиво стремилась попасть ему по голове. Иногда это удавалось, и подполковник с воплем: «С ума сошла!» бежал в ванную промывать рану. Ссоры стихали сами собой. Решить они ничего не могли, и выводы никакие не напрашивались. На следующее утро жена как ни в чем не бывало готовила завтрак и рассказывала местные сплетни, а подполковник отмечал про себя: «Не дуется, значит, знает, за что схлопотала». На душе становилось легко и покойно, как после грамотного выполнения поставленной задачи. Сейчас жены дома не было. Подполковник сидел на табурете и слушал записи Высоцкого. Не столько слушал, сколько пел вместе с ним, таким же хрипатым, надсадным и безнадежным голосом. И вспоминалась ему родная Рязань, заплеванной, исписанной матерщиной подъезд серой кирпичной пятиэтажки. Бурой краской выкрашенная дверь с криво прибитыми цифрами «34». Сейчас там живет теща – охраняет квартиру. А во дворе на лавочках, поставленных каре, мужики, приспособив бочку под стол, режутся в карты, отхлебывая из одного стакана мутный приторный портвейн. И тоже кто-нибудь из них затынет себе под нос Высоцкого таким же пропитым хрипом. И везде русский мужик один и тот же. Нет, конечно, есть полно народу, корчащего из себя невесть каких иностранцев. У них, видите ли, одно желание – жить как люди. А какие люди? Разве можно отдельно, в одиночку, жить как люди, когда все остальные живут как нелюди? Подполковник выходил в свой рязанский двор в голубой майке, старых офицерских брюках и тапочках со стоптанными задниками. Во дворе его уважали. И не за

то, что понавез после Афгана барахла, не за новенькую «Волгу», а за то, что мужик нормальный. С расспросами не приставали, а слушали с уважением. Подполковник любил выходить во двор... Здесь, в Луанде, идти некуда. А там двор. Мужики. Разговоры. Мучительный вопрос, где достать портвейн. В Африке подполковник отвык от портвейна. И вообще пить стал реже, только когда тоска наваливалась и хотелось выйти из сумерек в тот двор, вдохнуть наполненный знакомыми запахами воздух и прислушаться к корявому говору у бочки.

Рубцов потянулся к холодильнику. Там одиноко стояла бутылка. Джина в ней едва тянуло граммов на сто пятьдесят. Выпил одним глотком и лениво пошел одеваться. В отличие от большинства военнослужащих, перешедших на новую форму из легкой светло-зеленой ткани, подполковник упорно предпочитал старую – пятнистую, грубую и плотную. Но в городе положено находиться в гражданском. Поэтому натянул мешковатые рабочие брюки цвета хаки и такую же рубашку. Жару он переносил легко и страдал только от пыли. Начинался кашель, слезились глаза и вспоминались афганские барханы, товарищи с рваными ранами, бурая кровь на белом песке и собственные, смешанные с липким потом слезы.

Прихватив пластиковый пакет, он открыл входную дверь и чуть не угодил в лужу. Тут же этажом ниже послышался визг, зашлепала по ступеням босоногая орда. В этот раз они напрудили уж очень большую и особо зловонную лужу.

«Воды в доме нет, а ссут не переставая», – возмутился Рубцов.

Обычно вытирать приходилось жене, но сегодня она куда-то слиняла. Постояв в нерешительности, подполковник махнул рукой – черт с ней, с лужей, сама высохнет. И неожиданно легко, если учесть его внутреннее муторное состояние, перепрыгнул через детскую глупость. Прошло время, когда он злился и бегал по двору за этой голопузой сворой. Они победили. Но даже признание белым человеком своего поражения не вселило в их сердца великодушия. Мочиться под дверью продолжали все с той же интенсивностью. «Лучше бы ваши папы воевали так, как вы ссыте», – уже беззлобно корил их подполковник.

И вдруг небывалая удача. При выходе из подъезда на него буквально налетел один из этих чертенят. Уж теперь подполковник своего не упустит! Правда, перепуганный чертенок был в юбке, что отсрочило предназначавшуюся ему оплеуху. Но ненадолго. Порыв ветра, несущий чертову пыль, задрал юбку и открыл мальчишковые принадлежности.

– Эх, Пико, Пико, – этим где-то услышанным именем подполковник называл всех незнакомых ему ангольцев. – Вот вырастешь большим, узнаешь, зачем человеку нужна пиписка, и будет тебе мучительно стыдно за то, что писал под дверью соседа.

Рубцов погладил по курчавой головке мгновенно заревевшего от шлепка ребенка. Поддавшись ласке, мальчонка по-своему понял тарабарщину белого человека и решил, что вслед за прощением должен появиться подарок. Поэтому даже после того как был милостиво отпущен на свободу, пошел рядом, стремясь заглянуть в глаза совсем уже не страшному русскому. Подполковнику давно хотелось кого-нибудь поучить уму-разуму, поэтому попутчик оказался кстати.

– Давай, Пико, знакомиться. Меня зовут Иван. Иван Рубцов. Можно просто Рубцов. Иванов у нас пруд пруди, а Рубцов я один.

Мальчонка смотрел на него черными с желтоватым отливом зрачками не мигая. Он не понимал, чего от него хочет русский и почему протягивает руку, в которой ничего нет.

– Эх, Пико, Пико... Человеческого языка не понимаешь. Чему вас в школе учат. Вырастешь большой, приедешь, случится, в Рязань. Встретишь деваху. Знаешь, какие у нас бабы? Что грибы, что бабы – первый сорт, и под каждым кустом дожидаются. Уставишься на такую своими пуговицами, а сказать ни черта и не сможешь. А с русской бабой без разговоров вряд ли получится. Это у вас тут – банку тушенки дал и объяснять ничего не нужно.

Мальчонка совсем растерялся. Но вдруг схватил широкое запястье подполковника и потащил здорового болтуна за собой.

– Пико, мне в другую сторону.

Но разве объяснишь малыцу, что подполковник направляется отовариваться харчами и похмелиться? Как ни странно, Рубцов вынужденно изменил маршрут, и они оказались на рынке. К слову сказать, он терпеть не мог эти сборища людей. Когда подполковник видел торгующийся, орущий и хватающий муравейник, ему хотелось взять автомат, вскинуть его и дать очередь поверх голов, чтобы все залегли. Тогда и нужный товар можно спокойно выбрать. Но здесь не Афган, народ к строгому обращению не приучен.

– Ладно, пока что-нибудь тебе купим. У меня как раз миля завалялась.

Рубцов настолько привык к тому, что ангольские деньги совершенно не выражают стоимость товаров, что для легкости усвоил один принцип – плати тысячу кванзов, милю поихнему, и бери что нравится. Обычно шумные, ангольцы редко спорили с ним, даже когда были уверены, что миля – слишком дешево. Весь облик Рубцова олицетворял ту силу, перед которой лучше промолчать.

Рынок пестрел всеми возможными цветами: одежд, фруктов, импортных банок, бутылок. Тут же рядом с кусками розовой свинины пылились японские видеоманитофоны, а серебряная, только что выловленная рыба в корзинах со льдом соседствовала с французской косметикой и арабским бельем. Среди этого конвульсивного изобилия самыми тихими и задумчивыми из торгующих были продавцы масок, поделок из дерева и черепаших панцирей. Они поглядывали на покупателей с достоинством творцов.

Подполковник любил рассматривать маски. В них таилась неведомая ему тайна, скрывающаяся за бесстрастностью пустоглазых лиц. Маски будоражили в нем детские мечты о далеких невиданных странах, в которых обязательно случаются загадочные происшествия, опасные приключения и благородные подвиги. Но стоило ему оторваться от их говорящего безмолвия и посмотреть вокруг – ощущение это тут же исчезало. И не было никаких заманчивых заморских стран, а была до скуки надоевшая Ангола, с самыми обычными, борющимися за кусок пожирнее людьми.

Мальчонка не желал долго задерживаться у никому не нужных безделушек и потащил Рубцова к ящику с сочными плодами гуавы. И тут подполковник обалдел. Неподалеку, всего в пяти-шести метрах от продавца гуавы, торговалась его жена. Разгоряченная победой над неуступчивой торговкой, она быстро бросала апельсины в прозрачный пакет, послушно подставленный стоящим рядом высоким мулатом с красивым, почти европейским лицом, пышными длинными волосами, своей чернотой подчеркивающими кофейную матовость кожи.

Рубцов забыл и про гуавы, и про мальчонку. Нинка, наторговавшись вволю, с гордым видом пошла дальше вдоль рядов. Высокий мулат расплатился и поспешил за ней. Догнал. Положил руку на ее плечо и прижал к себе. Нинка игриво отстранилась.

«Ну, это уже слишком!» Подполковник переступил через гуавы и хотел было в три прыжка догнать удаляющуюся парочку. Но тут же по-охотничьи подобрался, замер и пристроился за толстой негритянкой, несшей на голове газовый баллон. Медленно шел за ней, стремясь не упустить Нинку из виду, и прикидывал, в какой момент накрыть их обоих.

– Ух, наешься ты у меня апельсинчиков... – повторял он про себя.

Так они и шли, как вдруг мулат, поравнявшись с машиной, открыл дверцу и сел за руль. Нинка, звонко смеясь, пританцовывала на месте, прямо как местные проститутки, и ждала, пока он откроет дверцу. Ситуация усложнялась. Теперь придется еще и машину раскурочить. Подполковник шарил взглядом под лотками в поисках какой-нибудь железяки. В этот момент толстуха, за которой он следовал, резко остановилась, увлеченная какой-то тряпкой. Рубцов столкнулся с ее массивной задницей и тут же ощутил тяжелый глухой удар, боль в левом ухе и уже совершенно бессознательно в последний момент поймал газовый баллон, чуть не упавший ему на ногу.

Негритянка развернулась всей своей мощной фигурой и заорала так, словно с ее головы свалилась хрустальная ваза. От ее крика подполковник аж присел вместе с баллоном. Не хватало только, чтобы в таком положении его увидела Нинка!

Но она не обернулась, а, сверкнув икрами, по-хозяйски уселась рядом с мулатом. Машина быстро тронулась. Рубцов едва успел заметить номера новенького желтого спортивного «форда».

СОВЕТОВ

– Будете ждать меня у ЦК сколько потребуется, – строго предупредил Саблин и без обычной стремительности вылез из машины. Референт понял, что начало операции по каким-то ведомым только начальнику причинам откладывается. Саблин и сам не мог разобраться в мотивах своей нерешительности. В самом деле, не признается же он себе, что надеется без всяких оснований и, скорее, вопреки им услышать от Советова заверения о полной поддержке. И вот возьмет Михаил Алексеевич телефонную трубку и отматерит Генштабовских кадровиков, а после этого еще и замминистра определенно укажет... Генеральские мечты. Но ведь именно мечты заставляют нас порой притормаживать настоящее ради скорейшего приближения желанного будущего.

Генерал Саблин любил сталинскую архитектуру. Ему нравились ее масштабность, основательность, достоинство и значительность зданий. Простота и торжественность просторных кабинетов с массивными кожаными креслами, огромными письменными столами, на зеленом сукне которых важно сверкали гранями хрустальные кубические чернильницы. Даже сами стены, обшитые дубом, вызывали в его душе трепет, схожий с тем, который охватывает верующего при входе в Божий храм. Но в новом высотном здании ЦК все было иначе. Мелковато. И кабинеты маленькие, и обшивка фальшивая, и дневной свет под потолком.

Советов с улыбкой поднялся из-за стола и первым протянул руку. Саблин со значением пожал его крупную, но мягкую ладонь.

– Давненько, генерал, ты нас не баловал своим посещением, – добродушно тыкнул ему Советов, давая понять, что их встреча носит неофициальный, товарищеский характер. – Вы ведь от Москвы чуть оторветесь, так и черт вам не судья, и Господь не начальник.

Саблин не ожидал такой открытой и доброй улыбки на лице своего куратора. «Неужто не знает, какие козни плетутся в Генштабе против меня? Прикидывается. Эх, Советов, ты, брат, сер, а я, брат, сед». Вслух же, как и полагается в цеховских кабинетах, стал докладывать о состоянии дел в советской военной миссии.

– погоди, генерал. То, что у тебя там полный ажур, не сомневаюсь. Ни в одном контингенте такого порядка и дисциплины не наблюдается. Ты лучше про жите-бытие расскажи. Что вы там с генералом Двинским не поделили? Жалуется он на тебя. Ну да нынче все друг на друга жалуются. Он на тебя, а ты давай мне откровенно, по-партийному свою точку зрения изложи.

Советов не только знал, что вопрос о переводе Саблина решен, но и непосредственно приложил к этому руку. При этом как всякий опытный аппаратчик он понимал, что Саблин так просто не сдастся. Будет обивать пороги кабинетов, требовать разбирательства, строчить жалобы, обличать всех причастных к решению его вопроса. Поэтому лучше всего изображать перед ним полное неведение.

У генерала же на душе столько накопело, что никаких особых расспросов не требовалось. Он готов рассказать все вплоть до мелочей, чтобы наконец стало ясно, что прав он, Саблин, а не Двинский. Тот, можно сказать, без году неделя в Анголе, а выводами сыплет, как с кафедры в академии. Поскольку Советов был первым и, по сути, единственным человеком, который захотел его выслушать, Саблин почувствовал к нему особый прилив благодарности.

Генерал набрал в легкие воздух, чтобы начать свой рассказ, и тут зазвонил телефон. Советов сделал знак рукой подождать, снял трубку и, получив задание, засуетился в поисках каких-то бумаг.

– Ты посиди, подожди, меня завсектором вызывает. Почитай пока «Правду». Вот свежая. Сунув Саблину газету, Советов поспешно удалился. Генерал послушно углубился в чтение, но не мог сосредоточиться ни на одной строчке.

А вдруг Советов действительно не в курсе его вопроса? С этой чертовой перестройкой-перетряской ЦК вообще могут не информировать. Тогда определенно есть шанс. Только нужно настроить Советова, чтобы в нем амбиция выиграла. Ведь он, Саблин, страдает потому, что всегда проводит линию партии и является проверенным борцом за социальную справедливость во всем мире. А генерал Двинский, хоть и политработник, но явно одурачен этими сраными «демократами». Так кого же должны поддерживать в этих стенах?

Советов стремительно вошел в кабинет.

– И на чем мы остановились? – озабоченно спросил он и сам же ответил: – Ах, да, значит, с Двинским не сработались... Жаль. Он мужик толковый. За его плечами Афганистан. Бойцов раненых на руках выносил. Авторитет у него большой.

Саблин почувствовал, что начинают гореть уши. Сейчас наверняка покраснеют и выдадут его негодование. Поэтому решил резать напрямик:

– Боевой-то он боевой, да партийную принципиальность, видать, в Афганистане забыл, когда в суматохе чемоданы собирал. Генерал, проигравший войну, уже не способен поддерживать в войсках высокий боевой дух. Это я называю «афганским синдромом». Не буду касаться политики, но военные испокон веков делятся на победителей и побежденных. Ему в Афганистане дали пинком под зад, так теперь свое неумение обеспечить победу он прикрывает «общечеловеческими ценностями». Для меня Ангола была и остается плацдармом социализма в Африке. А для него там редкая возможность заработать дешевую популярность у этих сра... виноват, демократов. Поэтому везде и кричит о необходимости сворачивать наше присутствие в братской народной республике.

– Иван Гаврилович, дорогой, перегибаешь палку, – мягко возразил Советов. – Вопрос сложный. Неоднозначный. Учти, прорабатывается на самом верху.

– Значит, отдадим завоевания социализма на откуп классовым врагам? – запальчиво спросил генерал.

Даже если бы Советову было точно известно мнение руководства, он бы все равно Саблину ничего не сказал. Но вся загвоздка таилась в том, что никакого определенного решения в секретариате ЦК до сих пор не выработали. Пока, во всяком случае. «Сидели бы эти генералы тихо в своей Анголе, тут и без них черт ногу сломит. Так нет, тоже, понимаешь, развернули перестроечную дискуссию. Ох, генералы, генералы, вечно лезут не в свое дело. Придет время, скажут – отзывать специалистов или не отзывать». Так, сидя с сосредоточенным видом, рассуждал про себя Советов.

Саблин решил, что молчание собеседника можно расценивать как скрываемое сочувствие, поэтому пошел на открытый выпад.

– Не знаю, кто отдает приказы Двинскому, но мне лично никаких указаний по свертыванию присутствия в стране не поступало. Извините, это все, скажу откровенно, Генштабовские интриги.

Советов обрадовался. Появилась возможность для обходного маневра, чтобы уйти от грубо поставленного генералом вопроса.

– Так что в Генштабе? – спросил он участливо.

– Вы не в курсе? – искренне удивился Саблин.

– Ты о чем?

– Меня решили в угоду Двинскому и компании отозвать в Союз!

Советов развел руками.

– Иван Гаврилович, дорогой, первый раз слышу. – И на его лице обозначилась крайняя озабоченность. Это он делал профессионально. Взгляд устремлял поверх головы посетителя, нижняя губа при этом внахлест закрывала верхнюю. Помолчав, Советов мягко улыбнулся:

– Что же вы нас в известность не поставили?

– Как только узнал, сразу сюда, – отрапортовал Саблин.

– Куда раньше смотрели? О чем думали? – вдруг набросился на него Советов. – Уж кому, как не вам, знать, что мы можем упредить, но не отменить приказ вашего ведомства. Поражаюсь подобной беспечности.

– Я же сижу в Анголе, откуда мне знать? – по-школьному начал оправдываться генерал.

– Получается, я за вас обязан знать? Привыкли, что в ЦК думают за всех. Нет, дорогие товарищи, пора с этой практикой кончать.

Генерал хотел продолжить объяснения, но по селектору Советова опять вызвали к начальству. Прихватив какие-то бумаги и досадливо махнув рукой, он вышел.

Саблин окончательно разнервничался. И еще, дурак старый, сомневался, стоит ли идти к Советову. Нет, пока в ЦК работают такие принципиальные кадры, все будет в порядке.

ТАМАРА

Найденов вышел из столовой с неприятным чувством тяжести в желудке. То ли от жирной свинины, то ли от гнусного настроения. До сих пор его никуда не вызывают, не заставляют писать объяснительные. Да и что писать? Ну, познакомился с иностранной гражданкой, ну, встречался, ну, бывал у нее дома. Для себя майор решил: будет утверждать, что брал у нее уроки португальского языка. Официально военными властями это трактуется как связь с иностранной подданной. Чуть ли не приравнивается к разглашению государственной тайны. Такую формулировку и тестю сообщат...

Реакцию Советова майор вычислить не мог. Если тот расскажет дочери, значит, конец семейной жизни. Тамара не простит. Она собственница. С детства привыкла, чтобы все окружающие ей служили. Поэтому и замуж за Найденова вышла, почувствовав, что он не сможет противостоять и до конца дней будет исполнять ее желания. Он не сопротивлялся. Трудности супружества нес терпеливо, как тяготы воинской службы. Слишком велика была разница потенциалов. Благодаря женитьбе он получил не просто дотоле не доступные ему блага, а совершенно новый статус в жизни. Стал майором, перед которым заискивали полковники и водили дружбу генеральские отпрыски. Дальнейшая его карьера представлялась безоблачной. Для начала Ирак и Ангола – лучший способ обеспечить семью на ближайший десяток лет. Потом учеба в академии и спокойная должность в Генштабе. Из всех способов получить генеральские лампы кабинетный – самый надежный.

И вот тебе, пожалуйста, увлекся, забылся – и получил перспективу навсегда остаться безвестным майором где-нибудь за Уралом.

В военное училище Найденов шел по трезвому расчету. С детства на него давил голодный, неустроенный быт в мерзкой коммуналке, где соседи каждый вечер объединялись на кухне для совместной попойки. Его отец иногда и спал там, уронив голову на чужой стол. Мать в это время крутила роман с соседом – дядей Гришей, и будущий майор, сжавшись под тяжелым ватным одеялом, боясь темноты комнаты, прислушивался к резкому отрывистому маминому смеху, раздававшемуся за стенкой. Он любил мать днем и ненавидел ночью. Потом, когда вырос и в его жизни стали возникать женщины, Найденов так и не смог побороть в себе отвращение к ночи. Она ассоциировалась с грязью, страхом, ложью и бесстыдством. Майор ощущал неловкость, отчужденность, раздражение, возникающие и мешающие близости с женщинами ночью.

Тамара, появившись в их компании, сразу уставилась на майора властным оценивающим взглядом. Ему было неловко. Тем более что ее к ним в общежитие привел какой-то уже пьяный полковник. В конце пирушки Найденов и Тамара оказались на одной кровати. Где-то непо-

далеку в темноте храпел полковник. Тамара была крепко выпившей. Найденов почувствовал накатывающуюся на него слабость и вздрогнул от прикосновения женской руки, шарившей по его животу. Но вдруг рука прекратила поиски, и он услышал легкое посапывание. Тамара уснула, и Найденов был ей благодарен за это.

Утром, уютно потягиваясь, Тамара промурлыкала: «Мне нравится с тобой просыпаться». И вопрос был решен. Плохо соображавшего с похмелья полковника тотчас отправили за шампанским. С удивлением наблюдая за разгулом праздника, возникшего в его серой жизни, Найденов на разные лады повторял бабкину поговорку: «Жениться не напасть – как бы женатым не пропасть». Тогда не пропал. В приличной семье оказался... А теперь?

Устав от мыслей, сверлящих череп бормашиной, Найденов не спеша отправился к открытой площадке, с которой на все стороны света в золотистой дымке был виден океан. Полный штиль делал его ласковым и безмятежным. Майор невольно позавидовал этому разнеженному спокойствию. Всматриваясь в океан, Найденов как бы стремился впитать его мудрость, величие и свободу. Океан лежал, раскинувшись, подобно Гулливеру, безучастному к пискливым, едва различимым лилипутам, одному из которых сейчас казалось, что рушится его большая лилипутская жизнь. Но что такое жизнь лилипута в сравнении с одним легким вздохом океана – Гулливера? Стоит майор и завидует океану. Потому что жизнь – всего лишь цепь случайностей, а стихия – цепь неизбежностей. И в том, что произошло с Аной, тоже виновата стихия.

Безмятежность в любви оказалась по-океански обманчивой. Стоило поменяться ветрам, и пучина готова поглотить одинокого пловца. Раньше любовь для майора была понятием книжным, лишь сейчас, глядя на золотистый океан, он по-новому воспринял то чувство, которое возникло в нем при встрече с Аной.

АНА

Ана привела Найденова к себе домой. Он и не предполагал, что в Уамбо существует подобный оазис. Квартира состояла из одной комнаты и кухни, между которыми была раздвижная перегородка, напоминающая бамбуковую изгородь. Ана, бросив сумку на широкую мраморную скамью, где и так валялось огромное количество сумок самых разных размеров, по-свойски обратилась к Найденову: «Включи музыку, я быстро переоденусь». И скрылась в ванной.

Оставшись один, майор с удивлением и осторожностью принялся рассматривать комнату. Ее пространство, благодаря белым стенам и низкой мебели, казалось необъятным. По сути, из мебели была лишь круглая тахта в центре и несколько столиков с большими лампами в виде восточных ваз под белыми шелковыми абажурами у стен. В одном из углов стоял большой барабан, сделанный из разных пород деревьев и украшенный кисточками от бычьих хвостов. Вдоль стен шли низкие белые стеллажи, книги на которых перемежались с различными диковинными вещами из быта неизвестных Найденову африканских племен. На одной из верхних полок, гордо расправив паруса, возвышался макет португальской каравеллы. На фоне белых стен пронзительной зеленью и свежестью восторгали глаз цветы, переплетения лиан, кроны низкорослых, но пышных пальм. Под жужжание кондиционера комната одаривала той желанной прохладой, о которой мечтает каждый житель пыльного, испепеленного солнцем Уамбо. Пол, выложенный плиткой с полустертым, очевидно когда-то красным, орнаментом, не оставлял сомнений, что ступаешь не по подделке, а по самой настоящей старине. Но на чем бы ни задерживался взгляд вошедшего, он неизбежно устремлялся к большому гобелену, выцветшему от времени. Среди его серовато-желтых затертостей отчетливо различима была лишь фигура рыцаря, показывавшего рукой с мечом на нечто бурое, по очертаниям напоминающее крепость. В другой, чуть отведенной в сторону руке рыцарь держал розу, единственно не потерявшую свой белый матовый цвет и томную прелесть чуть распустившихся лепестков. Увлеченный созерцанием гобелена, Найденов не услышал, как, мягко ступая босиком по прохладному полу, к нему подошла Ана.

– Это старый гобелен семнадцатого века. Здесь невозможно отреставрировать. Нужно вести в Европу. В Лиссабоне есть хорошие мастера. Уже несколько лет собираюсь, да никак не получается.

– А кто этот рыцарь? – из вежливости поинтересовался Найденев.

– Как? Вы не узнали? Это же принц Генри, Дон Энрике Навигатор.

– А... – протянул майор, совершенно не представляя, как ему реагировать на коронованную особу. – И куда он показывает?

– Матерь Божья! Это понятно любому школьнику. Принц Генри совсем еще молодым человеком отличился геройством и храбростью при штурме Сеуты. Господь даровал ему эту победу, чтобы принц служил святому кресту и обращал в христианство дикие африканские народы.

– Так он завоеватель? – наконец понял Найденев.

Ана вспыхнула.

– Благодаря ему началось то, что теперь называют эпохой великих географических открытий.

– А я думал, все началось с Колумба, – засмеялся Найденев, давая понять, что его мало интересуют исторические подробности.

Он повернулся к Ане, и смех его мгновенно оборвался. Девушка стояла босиком на антикварных плитках. На ней была белая, почти прозрачная рубашка, слегка прикрывающая бедра. Маленькие круглые груди беззастенчиво торчали крупными сосками. Вся ее хрупкая фигура казалась под просторной материей выточенной из какого-то благородного дерева. Нагота ее воспринималась настолько естественно, что майор завороченно продолжал рассматривать ее плоский с мягкой вогнутостью живот и маленький белый треугольник, непонятно каким образом зацепившийся за бедра.

– А самое главное в этом гобелене то, что он является пророческим, – не обращая внимания на блуждающий обалдевший взгляд майора, продолжала Ана. – Видишь в его руке розу? Это знак чистоты веры, которую он несет африканцам. Цветок поистине божественный. Три века прошло, а он не потускнел.

– Красивая роза, – выдавил из себя Найденев, не в силах оторваться от созерцания девушки.

– При чем тут красивая? Пророческая! Ведь через двадцать лет щитоносец принца, Ианиш, обогнул мыс Бохадор возле Северного тропика и убедился, что африканская земля по ту сторону мыса не выжжена солнцем дотла, как считали капитаны, а значит, есть путь для дальнейшего проникновения веры в сердца человеческие. Из этого плавания в подтверждение своей правоты он привез принцу розы Святой Марии. Это такие минералы, которые от векового выветривания превращаются в окаменелые лепестки роз.

Найденев почувствовал неловкость своего положения, отошел от гобелена и, стремясь держаться непринужденно, взял в руки массивную расписную вазу и чуть было не уронил ее, потому что она оказалась слишком легкой для затраченных усилий.

Ана по-детски звонко рассмеялась.

– Это же колебас! Он сделан из сушеной тыквы. Держи нежно, а то надавишь, и рассыплется от древности.

На светло-сером фоне сосуда были изображены распластанные крокодилы, какие-то рогатые животные и скачущие на лошадях люди.

– Сколько же у тебя интересного! – уважительно оценил майор и осторожно поставил вазу на место.

– Раньше в Анголе были замечательные музейные редкости. Потом их стащили в крепость. Сейчас там музей ФАПЛА. Знаешь?

– Нет. Мне в Луанде было не до музеев.

– И не ходи. Оттуда уже все растащили...

– Кто?

– Иностранные друзья новой власти. Всю историю на сувениры извели, – вдруг посерьезнев, с вызовом сказала Ана.

Найденов боялся смотреть в ее сторону. И не потому, что был замешан в вывозе ценностей, а уж слишком его волновала едва прикрытая нагота девушки.

– Ладно, не будем об этом, а то еще обидишься. Садись, сейчас сделаю кофе.

Стоило Ане пройти мимо него и присесть возле магнитофона, как Найденов впился в нее взглядом, оценивая грациозность и легкость каждого ее движения.

Послышались тяжелые трудные звуки народной мелодии. Ана резко поднялась, полы рубашки кокетливо порхнули перед восхищенным взглядом майора. Независимой стремительной походкой девушка направилась в кухню. Оказалось, что сзади белый треугольник был так же мал, отчего ее тонкие с едва намеченными икрами ноги начинали свою восхитительную длину прямо от острых лопаток, четко обозначенных на спине.

Найденов почувствовал легкую дрожь и поспешно сел на тахту. «Что же дальше? Неужели она готова? Так сразу? И во сне такие радости не снились». Он закинул ногу на ногу, чтобы хоть как-то обуздать зреющее желание.

Если разобраться, на телестудии его больше поразило то, что перед ним незнакомая юная белая женщина, а совсем не ее лицо и тем более фигура. Через какое-то время тщательно пережевывая холодную курицу, он даже отметил несколько великоватый для небольшого лица нос и слишком выдающийся заостренный подбородок. К тому же Ана казалась не столь стройной, скорее худой и угловатой, хотя тогда на ней были широкие белые шорты и желтая рубашка со множеством карманов. Но почему же сейчас он не может оторвать от нее глаз и готов биться об заклад, что перед ним потрясающая красавица? В Уамбо полно негритянок с удивительно пропорциональными, пластичными и сексуально подчеркнутыми фигурами, но они ни разу не рождали в его душе подобного озноба.

Вообще, Найденов довольно спокойно относился как к присутствию женщин, так и к их отсутствию. Монотонность семейных отношений и эгоизм Тамары в постели притупили в нем сексуальные желания из-за постоянного предчувствия тяжелой и неблагоприятной работы. И вдруг он почувствовал впервые, что задыхается от желания.

РУБЦОВ

Усилием воли Найденов прервал воспоминания и с надеждой взглянул на все так же неподвижно золотящийся океан. Раньше, когда он слышал выражение «океан любви», то относил это к какой-нибудь поэзии. Теперь же понял, что любовь и впрямь измеряется океанами, и что толку ему, простому смертному, упавшему с борта стального крейсера в океанскую пучину, пытаться спастись вплавь? Лучше уйти с этой площадки!

Но оказалось, что майор на площадке не одинок. Рядом стоял и молчаливо всматривался в подернутую маревом даль крепкий суровый мужчина в мятой хэбэшной робе. Своей угрюмой значительностью он явно не вписывался в видения, посетившие Найденова. Но никакого удивления по поводу столь неожиданного и бесшумного появления не возникло. Просто Найденов решил уйти, чтобы не мешать человеку, пребывающему в глубокой задумчивости.

В этот момент Рубцов тихо, отчетливо произнес: «Выпить нужно».

Найденов не понял. Посмотрел с опаской на океан. Заметив его замешательство, подполковник, не отрывая взгляда от золотистой глади, уточнил:

– Нет, столько не выпью. Пару пузырей, больше не беру. Да и то с тоником. Ты, майор, откуда здесь взялся?

– Из Уамбо. К Панову вызвали, – вяло ответил Найденов, вспомнив, что в любой момент его судьба может быть перечеркнута.

– К Панову? – оживился незнакомец. – Известно зачем?

– Не сообщили.

– Тогда все в порядке. Кто по специальности? Связист?

– Так точно.

– Значит, в мою группу. Это меняет дело. У тебя баксы есть?

Найденов смотрел на повеселевшего неизвестно от какой радости мужика и не понимал, о чем тот ведет речь. Какая группа? Какие баксы? Его за аморалку в Москву...

– Нет. Кажется, я тут по другому вопросу. По личному.

Рубцов хмыкнул:

– К Панову по личному не вызывают. Слишком ты для него букашка. К Проценко могут, он по политчасти у генерала Двинского. К тому на клизму запросто отправят. Знаю. Он любит личные дела. А к Панову и не надейся, не вызовут.

– А меня вот вызвали. – Найденова начинала раздражать дурацкая воинская примитивность, свойственная некоторым офицерам, думающим, что в армии все делается по уставу и по их глупости. Пойди объясни такому, что есть особые отношения, когда и не каждый генерал посмеет приказать майору.

– Какой-то ты перепуганный. Вы там, в училище, что на гражданке – совсем от армии отвыкаете. Какая у тебя фамилия?

Найденов пожалел, что не ушел с площадки раньше, чем этот питекантроп.

– Майор Найденов.

– Ну, точно! В мое распоряжение, – для верности подполковник достал новенький красный блокнот. Открыл его на первой странице и протянул Найденову: – Читай.

Майор не поверил своим глазам. Среди нескольких фамилий, написанных корявым почерком, он отчетливо различил свою. В голове промелькнула мысль: «Не устаревший ли список?»

– И приказ обо мне подписан?

– В этом деле приказы ни к чему. Но не беспокойся. Выполняй мои приказы, и родина тебя не забудет – понятно?

– Так точно, товарищ...

– Подполковник.

Найденов не мог прийти в себя. Голова отказывалась соображать. Была наполнена каким-то безудержным веселым звоном. Хотелось что-то делать, хотя бы махать руками или трясти крепкую руку подполковника, или кричать в океан какие-то глупости. Его оставляют в Анголе! Спасен!

– Так у тебя баксы есть? – спокойно повторил свой вопрос подполковник.

– Долларов тридцать.

– Годится. У меня, учти, сегодня настроение хреновое. С каждым бывает. Причина на то есть. Но тебя не касается. Так что пойдешь со мной.

– Слушаюсь, товарищ подполковник.

– Рубцов я. Иван Рубцов. Можно просто Рубцов. А ты (подполковник заглянул в блокнот)... Игорь. Ну что ж, Игорь Леонидович, пошли на первое боевое задание.

ОЛИВЕЙРА

Приказ о начале операции из Москвы все не поступал. А по времени уж пора бы. Панов привычно спасался от жары в прохладной ванне, драя пемзой пятки, когда в дверь постучали условленным стуком. Панов довольно поморщился: «Неужто свершилось?»

– Входи! – небрежно крикнул он.

Вошел адъютант Емельянов, единственный, кто имел право отрывать генерала от традиционного отдыха и уединенных размышлений.

– Товарищ генерал, звонка из Москвы еще не было.

– Какого ж черта, – проворчал Панов.

– Вас на веранде дожидается Жоао Оливейра из Квито-Кванавали.

Адъютант Емельянов обладал бесценным качеством, которое позволяло ему много лет быть при генеральской кормушке. Будучи посвященным во все дела Панова, многие из которых выходили далеко за рамки служебных обязанностей, а также и в те, что относятся к интимным отношениям с дамским «контингентом», он всегда вел себя подчеркнуто бесстрастно и официально, словно вся получаемая им информация, не задерживаясь в голове, уходила в небытие.

– Нечего ему здесь толкаться... Какие у меня с ним могут быть вопросы? Какая-нибудь просьба? Пусть едет в миссию.

Панов не любил, когда кто-нибудь из партнеров по его довольно многообразному бизнесу выходил прямо на него. Здесь, в Луанде, и рядовой, и генерал – все на виду, за каждым кто-нибудь да следит. Одни по обязанности, другие из зависти. И еще не известно, кого следует бояться больше. Генерал должен быть чист и неприступен. Ни одно пятнышко не должно попасть на мундир. Губит, как правило, небрежность в мелочах. Приход сюда Оливейры как раз из ряда таких мелочей. Но с другой стороны, этот мулат, несмотря на молодость, обладал поистине обезьяньей ловкостью и реакцией и никогда не допускал рискованных ситуаций. Он ел свой банан, крутя головой на все четыре стороны.

– Что ж, просто взял и пришел? – с раздражением спросил Панов, откладывая пемзу в сторону.

По этому жесту Емельянов понял, что прием гостя состоится. Но с тем же бесстрастным видом сообщил, что Оливейра уже был в миссии и Проценко посоветовал ему обратиться к Панову, так как генерал Саблин в Москве.

– Ах, он искал Саблина?! Тогда другое дело. Молодец. Зови. – Генерал шумно вылез из ванны, набросил белый махровый халат и грузно уселся в небольшое плетеное кресло, вытирая ступни о красный пушистый коврик.

Оливейра не заставил себя долго ждать и почтительно проследовал в ванную вслед за Емельяновым.

– Извини, дружок, что принимаю тут. Давление поднялось, одно спасение – вода. – Потом обратился к Емельянову: – Переведи-ка подружелюбнее, да предложи пиво, если он не торопится.

Емельянов монотонно (и без всякого дружеского участия) перевел приветствие генерала.

– Не откажусь от вашего угощения, генерал, – почтительно произнес Оливейра.

– А... так он надолго. Тогда тащи водку, икру и чего-нибудь еще. У него дела или поболтать пришел?

– По делу, – успокоил Емельянов и удалился.

Генерал знал целый набор португальских слов и выражений, но его язык делался деревянным, как только он пытался выговаривать даже самые простые слова. Понимая несоответствие такого общения своему чину и не желая выглядеть недоучившимся курсантом, он предпочитал говорить по-русски, мягко жестикулируя правой рукой.

Панов говорил о давнем расположении к господину Оливейре, который, несмотря на молодость, уже стал одним из ведущих предпринимателей новой Анголы, и что такие люди нужны в любом обществе. При этом генерал, улыбаясь, прикидывал, с чем может быть связан визит.

Уже почти год между ними не было никакой связи. Последняя операция, проводимая ими, чуть не закончилась скандалом. И виноват в этом был вновь прибывший в миссию генерал Двинский. Панов как человек осторожный сразу же лег на дно и решил более ничего не предпринимать. Тем более что и операция-то была довольно мелкая. В кооператив, который обслуживает военнослужащих, пришла партия японских видеоманитофонов. Но Панов распорядился, чтобы в продажу они не поступали, так как у кооператива есть задолженность по точно такой же аппаратуре перед госкомитетом по экономическим связям. По договоренности

эти видеомагнитофоны вместо торгпредства при посредничестве Оливейры попали на ангольский рынок, где и были реализованы.

Операция мелкая и совершалась как-то впопыхах, поэтому среди офицерских жен пошел шумок, что в миссии процветает спекуляция. Предотвратить сплетни удалось волевым нажимом на заискивающих перед генералом офицеров, понимающих, что могут быть отправлены в Москву раньше, чем генерал Панов. А перед Двинским пришлось долго и искусно изворачиваться, объясняя неувязку спецификой нерегулярных поставок совместной советско-испанской торговой фирмы.

Если и сейчас Оливейра предложит нечто подобное, генерал прикажет гнать его взашей.

ЕМЕЛЬЯНОВ

В дверях появился Емельянов, толкая перед собой столик из матового оргстекла с золотыми колесиками, на котором был сервирован легкий ленч. Налил водку в хрустальные рюмки и жестом предложил закусить бутербродами с густо намазанной черной икрой. Подняв рюмку, Оливейра не пожалел красивых слов, чтобы передать почтение, с которым все деловые люди Анголы относятся к деятельности генерала Панова. «Пусть господин Панов будет в хорошем здравии, что даст ему возможность еще долго поддерживать преобразования на ангольской земле».

Емельянов перевел:

– Он пьет за вас.

Генерал кивнул головой и пригубил запотевшую рюмку. Оливейра выпил по-русски, одним глотком, и с удовольствием принялся за бутерброд.

Панов выдержал паузу и попросил Емельянова сказать гостю, что ванная комната – единственное место в доме, где, он уверен, не стоят подслушивающие устройства. Поэтому Оливейра может говорить совершенно свободно.

Оливейра отложил бутерброд и с улыбкой принялся вспоминать о тех радостных моментах, когда они смогли оказать друг другу несколько незабываемых услуг. Поэтому, заключил он, общение с генералом Пановым – всегда серьезное и приятное занятие.

Панов смотрел не на Оливейру, а на переводящего Емельянова и ему же ответил:

– Передай этому прохвосту, что времени у меня крайне мало, поэтому обойдемся без сиропа. Некогда мне с ним бутерброды жевать.

Емельянов спокойно перевел гостю, что генерал, в свою очередь, рад, что его ценят и любят в Анголе, и поэтому всегда открыт для дружеской взаимопомощи и поддержки любых благих начинаний. Зная господина Оливейру как делового и энергичного человека и доверяя ему лично, генерал предлагает сразу обозначить проблему, которая заставила гостя в столь жаркий день наносить визит.

Панов поморщился.

– К чему такие длинные речи? Опять дипломатничанием занимаешься?

– Сейчас он все выложит, – со знанием дела уведомил Емельянов. Уж кому, как не Емельянову, знать, как нужно разговаривать с этим народом. Пусть Панов искренне считает, что проводит переговоры, договаривается о сделках. На самом деле лишь благодаря изворотливости и умению Емельянова подать и обставить генеральское мнение, проворачиваются дела. Поэтому референт давно подменил роль переводчика ролью интерпретатора, да так искусно, что генерал, сам того не подозревая, привык к тому, что ему оставалось в основном кивать головой в знак согласия. Ангольская сторона раскусила маневры референта и относилась к нему с осторожностью и почтением. Знали: главное – это убедить Емельянова, а генералу он и сам объяснит.

Поэтому Оливейра продолжал как ни в чем не бывало рассказывать дальше о трудностях, постоянно возникающих на его алмазных приисках. Никто не хочет работать. Власти считают, раз у него частное предприятие, значит, можно притеснять как угодно. Душат налогами, не

страхуют его рабочих. Вот, к примеру, недавно обратился к военным в Менонге, чтобы выделили ему бойцов для тяжелых физических работ. Деньги готов платить любые. Раньше ему не отказывали, а на этот раз ни одного человека не дали. Говорят, приказ из Луанды: быть в полной боевой готовности. Вот и работай дальше. Людей не дают...

– Неужели снова к войне дело идет? – невинно поинтересовался Оливейра. – Давно ведь на Южном фронте никаких действий не предпринималось. А солдат не дают. На рудниках некому породу вывозить.

Емельянов слушал, не перебивая и не переводя. Панов смотрел на него и поигрывал банкой с остатками пива, звонко хлюпающими внутри. Наконец Оливейра замолчал. А Емельянов подчеркнуто скупно изложил: он знает о боевой готовности в штабе Южного фронта. Все уверены, что планируется какая-то военная операция. Вынюхивает, грозят ли его приискам в этом районе неприятности.

– Вот хреновы дети! Ничего себе секретность! – вспыхнул генерал. – Каждый м... уже в курсе! И из-за этого он пришел ко мне?

Оливейра с удивлением наблюдал за реакцией генерала. Он никак не ожидал, что отказ дать ему для работы ангольских бойцов вызовет у генерала такой активный протест. На его вопросительный взгляд Емельянов ответил кратко:

– Генерал ничего не знает о военных приготовлениях в Менонге и помочь ничем не может.

– Я о военных приготовлениях тоже ничего не знаю, – соврал мулат. – Просто давно не стреляли.

– Если у вас больше просьб нет, генерал просит дать ему возможность отдохнуть. Слишком высокое давление не позволяет ему уделить больше времени даже такому приятному гостю, как вы.

– Гони его в шею, – продолжал сердиться Панов.

Не обращая внимания на генеральскую суровость, Оливейра продолжал жаловаться Емельянову:

– Плохие времена наступили, солдат не дают, никто ничем не занимается, военная техника ржавеет. Кому такой нищий мир нужен? К чему он ведет? К торговле тухлыми помидорами?

– Товарищ генерал, что-то он недоговаривает. Крутится на одном месте, вынюхивает, словно лиса.

– А ты поконкретней, поконкретней.

– Господин Оливейра, мы люди военные, тем более – представители великой державы и в ваши внутренние проблемы не вмешиваемся.

Емельянов понимал, что разговор только начинается.

Оливейра вкрадчиво продолжал:

– Согласен. Война закончится, совсем другая жизнь начнется. А зачем нам другая жизнь, если и эта вполне годится? Вы – уйдете, мы – останемся, а где я вертолеты возьму? Сами знаете, как у нас с техникой. А уж в мирное время и подавно ничего не купишь.

– Он интересуется вертолетами, – не глядя в сторону Панова, пробросил Емельянов.

– Во дает! А подводные лодки ему не нужны?

Панову стало душновато. Все его большое пухлое тело покрылось испариной. Кажется, этот парень пришел с серьезным предложением.

Оливейра старался определить, поняли они про вертолеты или еще нет. Военные – народ решительный, но негибкий. Особенно эти русские. Они всегда стараются ничего не понимать до тех пор, пока не убедятся, что им ничего не грозит.

– Война всегда удобно, – продолжил он. – Вертолеты взлетели, два вернулись, четыре пропали. Пойди ищи их в джунглях. Особенно в тех районах, где группировка УНИТА свои ПВО имеет.

– Он знает направление удара, но предполагает крупномасштабную акцию. При поддержке шести вертолетов.

Для Панова эта информация была полной неожиданностью. О разрабатываемой в миссии военной операции, оказывается, уже известно каждому встречному.

– Выясни степень его осведомленности.

Емельянов налил Оливейре еще водки.

– Мы, дорогой Жоао, тут не воюем. И наши вертолеты стоят в ангарах. Кому-то всегда выгодно представить нас агрессорами. Унитовцы дезинформируют население. К тому же в последнее время руководство вашей народной армии не советуется с нашими представителями. Кстати, генералу даже интересно, что они там в Меконге затевают.

«А... испугались, – отметил про себя Оливейра, – так-то лучше. Всегда приятнее говорить на одном языке, даже если у каждого свой». Он простодушно улыбнулся.

– Никто ничего не говорит о войне. Просто я подумал: вдруг начнется? А мне вертолеты позарез нужны.

Емельянов посмотрел на собеседника долгим взглядом. Оливейра замолчал с видом человека, который все сказал. Тишину нарушало тяжелое, шумное дыхание генерала, уставившегося на свои чистые с набухшими венами ноги.

ПРОЦЕНКО

Обогнув столовую, Рубцов и Найденов вышли на центральную аллею, ходить по которой специальным приказом запретил Саблин. Найденов знал о приказе, ибо это первое, с чемзнакомился человек, попадая на территорию советской военной миссии. Поэтому остановился в замешательстве у первой же пальмы. Рубцов презрительно усмехнулся.

– Ох, перепуганный ты мужик. Хочешь, поспе у каждой из этих пальм?

Никому не известно, чем руководствовался генерал Саблин, запретив своим военным служащим ступать на эту аллею. Возможно, его поразила красота и великолепие старых пальм, повидавших на своем веку множество генералов, а может, пальмы раздражали его своей независимостью. Все на этом клочке земли подчинено Саблину. Хочешь – разрушай остатки старых португальских казарм, хочешь – возводи свои безликие бетонные коробки, хочешь – прокладывая дорожки, а нет времени – просто превращай в вытоптанные залысины бывшие палисадники. Словом, наводи порядок. Лишь пальмы ему не подвластны. Они росли сами по себе и тем самым, возможно, напоминали Саблину, кто здесь хозяин.

Короче, неизвестно – любовь ли, ненависть ли водили генеральской рукой, подписывавшей приказ. Больше по аллее никто, кроме редких почетных гостей, не ходил. Зато убрали ее намного чаще и тщательнее, чем остальную территорию. Вся показуха великой державы здесь, в Анголе, нашла свое выражение в одной-единственной аллее. По ней и зашагал своенравный подполковник. Найденов безропотно последовал за ним. При этом поглядывал по сторонам, каждую минуту ожидая окрика дежурного или начальства. И был прав, долго ждать не пришлось.

– Товарищи офицеры, подойдите ко мне!

Найденов вздрогнул. Рубцов спокойно взял его локоть: «Следуй за мной».

Они подошли к полковнику Проценко.

– Вы что, подполковник, приказа не знаете? – мерзко улыбаясь, спросил политработник.

– Знаю...

– По какому же тогда праву? – все так же гнусно и ласково выяснял Проценко.

Казалось, Рубцов только и ждал этих вопросов, потому что вдруг разулыбался еще приятнее, чем полковник Проценко. Они стояли друг перед другом и улыбались. Политработник ждал, а Рубцов не торопился с ответом.

Хуже всех в эти минуты чувствовал себя, конечно, майор. Ко всем неприятностям еще скандал в самом центре миссии. Если бы не история с Анной, он мог бы точно так же нагло улыбаться и смотреть с вызовом на полковника, как это делает Рубцов. Но все равно глупо на ровном месте искать себе неприятности. А вдруг Рубцов просто охамевший пьяница и список у него совсем не служебный, а личный? Может, он вносит туда фамилии тех, у кого еще не занимал деньги? Неужели ожидание расправы сделало Найденова таким беспомощным и покорным, что он сразу поверил какому-то списку, накорябанному в блокноте, уже готов отдать тридцать долларов и почему-то потащился за ищущим опохмела подполковником по чертовой запретной аллее... Майор почувствовал откровенную неприязнь к Рубцову. Тот же продолжал куражиться над Проценко.

– А вы, товарищ полковник, все приказы генерала Саблина выполняете? Или частично Саблина, а частично Двинского?

Полковник опешил.

– Конечно, – язвительно уточнил Рубцов, – если генерал Саблин выбрал лично вас в свои соратники, тогда другое дело. Но лично я с некоторых пор выполняю приказы, исходящие только от генерала Панова, и про аллею ничего не слышал.

– Что вы такое несете? – взвизгнул Проценко.

– Это вы несете, а я иду.

– Но есть приказ!

Рубцов, все так же улыбаясь, согласился:

– Есть. – Потом доверительно приблизился к собеседнику: – Но есть и другой приказ... а? Или вы не в курсе, на кого возложено проведение операции?

В глазах Проценко промелькнул испуг. Он уставился на Найденова, как на человека, без позволения подслушавшего чужой разговор. Рубцов, не отпуская локоть майора, притянул того к себе.

– Майор из моей команды. Ввожу в курс...

Проценко как-то обмяк, улыбочка сошла с его тонких шелушащихся губ, и он пробормотал напоследок:

– Да, да... Идите, я вас больше не задерживаю.

Рубцов, ни слова не говоря, пошел дальше, подтягивая за собой майора. Пройдя несколько метров, он остановился, внимательно посмотрел в глаза Найденову:

– Ну ты, мужик, все понял? Командовать операцией назначен я. Списочек в моей книжке утвержден командованием. И больше нам никто не указ. Гулять будем, где захотим!

Найденов молча мотнул головой.

РУБЦОВ

Они вышли через КПП и отправились по дороге, ведущей в центр города. Когда поравнялись со стареньким красным «фольксвагеном», подполковник резко остановился, поглядел вокруг и, как бы извиняясь, предложил Найденову:

– Давай подьдем? В магазине наверняка ничего нет, а с баксами и в моем дворе запросто все найдем. Пешком можно, но далековато. Такси в Луанде – из вини... Крысы – пожалуйста, собак – сколько хочешь, а машин – тью-тью. Так что садись.

Он быстро обогнул машину, достал из кармана робы металлическую пластинку: не то ключ, не то отмычку, и без всякого напряжения открыл дверцу. Майор снова почувствовал ощущение недозволенности, которое возникло возле пальм. Но Рубцов уже кричал из машины: «Да садись ты скорее, тут бензина мало».

Когда они отъехали, майор невольно оглянулся, страхась погони. Улица была пустынна.

– Они в такое время все спят. А к чему спящему человеку машина? – оправдывался Рубцов.

– Так ведь искать будут?

– Ничего, найдут, город небольшой. К тому же приблизительно знают, где искать. Первый раз в Луанде?

– Да. Третий день сижу в миссии. Никто никаких приказов не отдает.

– Значит, повезло тебе, что я заглянул в кооператив. Сейчас жизнь увидишь. Вон, дура торчит. Это их мавзолеей. Ну как у нас в Москве. Там их Нето лежит. Я внутри, правда, не был, не люблю покойников.

– Какая-то конструкция странная.

Рубцов довольно рассмеялся:

– Так каждый спрашивает. И невдомек, что это ракета, только незавершенная. Остальное, наверное, при коммунизме достроят. Они же все копируют у нас. А мы как работаем? Начинать начинаем, а заканчивать поручаем будущим поколениям.

Подполковник резко замолчал и зло добавил:

– Это как жена – с тобой начинает, с любовником кончает. – И снова замолчал, изредка матеря зазевавшихся пешеходов.

Найденов все больше погружался в абсурдность происходящего с ним. Отрицательный заряд, который шел от подполковника, мешал спокойно, по-людски выяснить и понять ситуацию. Уж лучше продолжать молчанку. Но молчали недолго.

– Женат? – мрачно поинтересовался Рубцов.

– Три года.

– Ерунда. Я шестнадцать. Живу, живу, на хрена живу с ней? Бросить к черту, так не с руки, привык вроде. Да и что за жизнь одному? Подумают – неполноценный. Опять же сын суворовское в Киеве заканчивает. А тебе вот на свободу смыться в самый раз.

– Куда?

– На волю. Лично у меня на баб взгляд простой. Я как из Афгана в отпуск наезжал, сразу всех баб в Рязани, знакомых, незнакомых, перетрахал и на год, считай, с этим вопросом покончил. Только и вспоминал о какой-нибудь, ежели на «конец» прихватывал чего.

– А жена как же?

– Жена – дело особое. Ее беречь надо.

Вот уж о чем Найденову не хотелось ни думать, ни говорить, так это о женах и семейных радостях. Он смотрел на пустынные прямые улицы с приземистыми одинаковыми домами. На их утомительном серо-белом фоне декоративно и словно придуманно возникали пышные, рвущиеся вверх своими упругими острыми стеблями кустарники. На крепких слоновьих ногах стояли пальмы с неподвижными, пыльными и от этого кажущимися задумчивыми кронами. Витрины редких магазинов были задернуты белыми жалюзи. В некоторых вместо продуктов назойливо бросались в глаза лозунги, написанные на красных тряпках, и плакаты, с которых глядели примитивно-квадратные лица и торчали огромные кулаки. Красивые женщины не попадались, хотя почти все были одеты по-европейски.

«Тем не менее по сравнению с Уамбо Луанда – город», – отметил про себя Найденов.

– Правильно! – вдруг в сердцах закричал Рубцов. – Даже в это время на Каримбе пробка, как будто все что ни на есть машины города съезжаются именно сюда!

Подполковник, сигналив и не сдаваясь, нахально продвигался вперед. Но недолго. Въехав под грузовик, они остановились.

– Вылезай, к черту! Дольше просидим, тут уже недалеко.

Найденов снова безропотно последовал за Рубцовым. Бросив машину, они выбрались на тротуар. По тому, как быстро вышагивал Рубцов, майор понял, что трубы у него горят вовсю и выпить ему нужно немедленно.

Подполковник жил в пятиэтажном блочном доме, весьма пестром и многоголосом. На каждом балконе или лоджии висели разноцветные тряпки, одеяла, мужское и женское белье, а из-под них высывались детские головки. Во дворе стоял невообразимый гам. Казалось, детвора сорвалась со своих мест и металась в потребности найти еще хоть что-нибудь недолomanное и разнести его в щепки.

– Поставь тут машину... – пробурчал Рубцов, – наутро только сиденья останутся, и те говном измажут.

Квартира подполковника производила впечатление временного пристанища. То ли люди недавно въехали, то ли собираются уезжать и уже не заботятся об уюте.

Рубцов показал рукой на странное сооружение: «Садись».

Между двумя жесткими креслами с откидывающимися сиденьями был вделан прямоугольный неполированный стол на двух железных, как и у кресел, ножек.

– Своими руками мастерил, – похвастался Рубцов. – В клубе кресла в актовом зале меняли, так я и спер секцию. Среднее сиденье вынул и вмонтировал туда столик. Удобно, сидишь – выпиваешь, и ничто никуда не двигается. А главное, стол не перевернешь, даже при особом желании. Я вообще люблю по мебели работать. Вон, глянь, диван стоит. Ни на что не похожий. А потому что сам соорудил. Из письменного стола. Тут его прежние жильцы оставили. А на хрена мне письменный стол? Письма вроде писать некому. Так нашел применение. Столешницу с тумб снял и на маленькие ножки поставил, а тумбы, гляди как удобно, – по бокам. И комфорт. И крепкий какой. Матрасик положил для мягкости. Вообще-то, на жестком оно всегда лучше – и сидеть, и... остальное. Кстати, плюш, пощупай, – настоящий. Им стол на торжественных заседаниях накрывали. Я к прапору, мол, продай. Говорит: бери что хочешь, но бюст Ленина и плюш не продаются. Ошибаешься, говорю, вождь действительно не продается, кому ж он, на хрен, нужен? А плюш весь в пятнах, его менять надо. Это же политическое дело. Красный плюш – и весь в пятнах. Это же неуважение к родине, к флагу. Короче, прапор понял все правильно. Подкатился к Проценко, ну, которого сегодня на аллее встретили. И доложил, что товарищи, в основном ангольские, сигнализируют. Правда, нового красного не нашлось. Они теперь зеленым президиум закрывают. Зато у меня обивочка что надо. И пятен, спорю, никаких не отыщешь. А еще было дело. Шкаф стоял. Вернее, и сейчас стоит в семейном общежитии. Из красного дерева. Старинный, с резьбой. Видать, португалы оставили. Как же я хотел его спереть! Но не вытащить. Громадный. Вопросы возникнут – кто разрешил? Кто приказал? Поэтому снял всего одну дверь. Зато с каким зеркалом! Глянь, висит, будто в раме. Еще по бокам пройдушь шкуркой – это ж красное дерево. Красота! Ну, хорош хвастаться, в горле спазмы образуются.

Рубцов взял небольшой японский магнитофон, поставил его на подоконник и врубил на всю громкость тяжелый рок.

– Сейчас организуем.

Найденов с любопытством выглянул в окно. Там мгновенно возникла кучка подростков, принявшихся сразу же танцевать. Ребята постарше пытались на манер взрослых крутиться вокруг девушек, а те, что поменьше, вытанцовывали друг перед другом. Рубцов выключил магнитофон. Десяток возмущенных возгласов влетело в окно. Ребята раздраженно замахали руками и засвистели.

Рубцов, как трибун, высунулся из окна и громко крикнул, показывая при этом на пальцах:

– Два пива, джин и два тоника!

Музыку включили. Несколько человек сорвались с места и помчались в разные стороны.

– Через минуту будут здесь, – подмигнув, сказал подполковник и, не обращая внимания на танцующих, опять выключил музыку. – Это тебе не в Союзе, – продолжил он. – Был там недавно. Жену сюда забирал. С выпивкой ужасная напряженка. А какие бабы стали жадные... Раньше бутылку принесешь, потреплешься немного, она уже сама в ванную бежит. А теперь

все про деньги и подарки тебе втолковывают. Нет, чтобы я бабе деньги давал? За что? Всю ночь трахаю, так еще и платить? Это ж кому такое нужно? Понимаю, если там встретился второй, третий раз, ну какой-нибудь подарочек следует сделать. Но просто от всего чистого сердца. А чтобы прямо в койке расплачиваться? От винта. Лучше тогда вон со своей Нинкой займусь... У тебя-то как с этим делом?

– Я с женой живу, – нехотя ответил Найденов, не желая развивать тему.

– Не скучно?

– Да нет.

– А мне, как ни настраиваюсь, скучно...

Разговор был прерван стуком в дверь и взрывом криков под окном. Рубцов взял у майора пять долларов и вернулся с бутылками и банками.

– Сейчас освежимся, и введу тебя в курс операции.

СОВЕТОВ

Советов отсутствовал довольно долго. Генерал Саблин едва сдерживал себя от беготни по кабинету. Трудно усидеть на месте в полном бездействии, когда решается твоя судьба. Только бы успеть! Перед отъездом в Москву в кабинет к Саблину зашел полковник Проценко и доложил, что самочувствие генерала Двинского остается крайне плохим. Малярия в полном разгаре. Это как раз на руку. Вовремя умудрился подхватить заразу. По всем законам военной науки его нужно добивать. Линию Двинского на вывод из Анголы военных советников поддерживает посольство, а значит, нити тянутся в МИД и, несомненно, к кабинету Шеварднадзе.

Станный нынче у нас министр иностранных дел. Прежде каждый на этом посту служил укреплению страны и лагеря социализма, а этот все сворачивает. Скоро перед всем миром и войсками НАТО с голой ж... оставит. Нет! Туг не интриги, тут дело принципа!

Саблин никак не мог решить: стоит ему сообщать Советову о задуманной операции или нет? Конечно, если план будет хотя бы косвенно одобрен в ЦК, значит, Саблин правильно понимает политику центра. А вдруг Советов категорически выскажется против? Что тогда – проводить операцию вопреки мнению военного отдела? Вот где загадка...

О том, что есть третий путь – отменить подготовку боевых действий на юге Анголы, генерал даже не мог и помыслить. Что бы ни случилось – курок взведен, и выстрел прозвучит. Операция может начаться через три часа или через три дня, но она не может не начаться. В каждой области человеческой деятельности есть решения, отменить которые невозможно. Иначе теряется смысл самой деятельности. Тем более военной.

В успехе операции Саблин не сомневался. Его волновал лишь один вопрос: этот успех поддержит его или, наоборот, подомнет под себя? Генерал отлично знал, что поговорка «Победителей не судят» исторически опровергнута судьбами многих советских генералов. А вот проигравший войну генерал Двинский нынче в особой чести. Где логика?

Советов заглянул в кабинет и, не входя, предложил пойти в буфет перекусить, а заодно и поговорить – в кабинете телефоны не дадут. Генерал нехотя поднялся. Он не любил несерьезного отношения, а буфет – это всегда несерьезно. Но противиться предложению Советова не решился.

Прошли те времена, когда каждый человек, приглашенный в ЦК, после приема стремился попасть в буфет – в этот малюсенький островок победившего коммунизма, где было все и все дешево. Именно здесь казалось, что еще немного, совсем чуть-чуть – и такие буфеты будут повсеместно, и жизнь будет такая же спокойная, значительная и сытая, как эти толстые куски розово-серого говяжьего языка, лежавшего на белой с золотым ободком фарфоровой тарелке и сдобренного влажно-белым, сочно пахнущим натертым хреном. А рядом, тут же на витрине, только что аккуратно нарезана мраморно-солидная, с жирными желтыми краями осетрина – королева цеховских буфетов. Были и традиционные копченые сосиски, аромат от которых встречал вас уже перед дверью в буфет...

Но с началом перестройки куда-то все стало исчезать. Вместо осетрины роль деликатесов взяли на себя бутерброды с пошехонским сыром и венгерским сервелатом. Сосиски варили самые обычные, в целлофане, без вкуса и запаха. Чай подавали уже не в хрустальных стаканах, а в самых обычных, тонких. Неужели все перебили? Скорее, под шумок демократизации растащили по домам.

Во всем генерал Саблин замечал отступление от завоеванных высот социализма. Он не очень любил Брежнева. Слишком мягкий был человек и на лесть чрезвычайно падкий. Но зато военный. Уважал силу, приказ и форму. А от нынешних гражданских, в войсках не служивших, чего ждать? Россией всегда правили военные, и другую власть народ уважать не будет.

Об этом коротко и сказал Саблин Советову, пока они стояли у буфетной стойки. Советов невольно оглянулся, не слушает ли кто откровения генерала? Слава богу, никого за ними не было. Советов подхватил поднос и поспешил к дальнему одинокому столику. Некоторое время ели молча. Каждый обдумывал дальнейший поворот разговора.

Советов получил от Панова исчерпывающую информацию о подготовке операции. Но спугнуть генерала Саблина своей осведомленностью не входило в его планы. Поэтому он выжидал. Пусть генерал раскроется сам. Для этого куратор предпринял завлекающий маневр.

– Скажу вам, Иван Гаврилович, по-свойски – этот бардак в стране уже всем надоел...

Советов говорил тихо, но внятно и медленно. Впрочем, как и все в ЦК. Это был такой стиль.

Тишина, царившая в коридорах и кабинетах, рождала у посетителей чувство неловкости. У них начинало першить в горле, и сами они стали даже друг с другом говорить шепотом, боясь резких и звонких интонаций.

– И я о том же, – не совладав с шепотом, прохрипел Саблин.

Советов продолжил:

– Наводить порядок все равно придется. Но все упирается в дефицит энергичных людей. Вы правильно указываете на военных как на потенциальных хранителей устоев нашей страны. Партия видит в них свой верный авангард. Но, согласитесь, мы не можем натравливать военных на подавление деструктивных сил.

Саблин слушал Советова затаив дыхание. Значит, в ЦК знают все и им небезразлично, какая сила в армии возьмет верх. Поэтому Саблин должен так закрутить в Анголе, чтобы и в Москве поняли, что он именно тот человек, который сегодня нужен партии. С легким сердцем, отбросив сомнения, генерал решил довериться Советову как единомышленнику:

– Я в Анголе уже несколько лет стремлюсь к активизации позиций наших друзей – руководителей ФАПЛА. Они живут революционным подъемом и непримиримо относятся к раскольнической деятельности УНИТА. Но не хватает им боевого опыта и той решительности, которая необходима, чтобы очистить юг Анголы от молодчиков генерала Савимби. В последнее время в руководстве появились люди, которым более выгодна ситуация ни мира, ни войны. Но, к счастью, мне удалось убедить ряд товарищей в губительности таких тенденций. Под моим руководством разработана операция по блокированию отрядов УНИТА в районе Мавинга. Мы быстрым ударом отсекаем дорогу на Джамбу, где окопался генерал Савимби и сколачивает на деньги ЦРУ свои банды, и устраиваем ему блокаду. План прост, но оригинален по топографическому решению. Ангольские товарищи окажут содействие силами четвертой тактической группы Южного фронта. Но решение боевой задачи возьмет на себя кубинская сторона. Убежден, что это будет последняя точка в столь долгой борьбе трудящихся Анголы за социалистический выбор.

План, представленный генералом с такой гордостью, вполне устраивал Советова. Чем черт не шутит, вдруг Саблин и впрямь поможет руководству ФАПЛА уничтожить оплот УНИТА? Тогда можно будет доложить, что вопрос этот прорабатывался совместно с военным

отделом ЦК. И Советов лично курировал. А провалится операция – так Саблин все равно не жилец. Зато уж после этого жаловаться ему будет не на кого.

Аккуратно размешивая сахар в стакане с чаем, Советов тихо обратился к возбужденному генералу:

– Уважаемый Иван Гаврилович, вся ответственность в этом деле ложится на вас. Мы не можем вмешиваться в профессиональные моменты вашей деятельности. Берите решение на себя. Вам доверяют.

Саблин в порыве благодарности встал, по-военному подтянулся и прошептал:

– Я горд вашим одобрением, товарищ Советов.

– Ну-ну, не будем. – По-свойски взяв генерала за рукав кителя, Советов заставил его усесться на место. – Наша беседа носит неофициальный характер. Впрочем, как и ваше сообщение. Считаю, что торопиться не следует. Я бы на вашем месте посвятил пару дней семье, отдохните на дачке, в кругу внучат...

– Какая дача?! – перебил Саблин. – Моего приказа ждут каждую минуту!

– И все-таки послушайте меня, – жестко и тягуче продолжил Советов. – Пару деньков проведите на даче, а я тем временем переговорю с товарищами, выясню настроения...

– Но тут нужна секретность... – снова перебил Саблин, сбитый с толку неожиданным поворотом.

– Иван Гаврилович, – удивился Советов, – секреты от партии, от военного отдела и секретариата? Помилуйте, в таком случае кому вы служите?

Генерал поежился.

– Вы не так меня поняли. Я имел в виду Генштаб. Там о задуманной операции не знают.

– При чем же здесь Генштаб? Дело больше, как я понимаю, политическое. Поэтому идите отдыхайте. Пока...

Допив чай, Советов встал, протянул руку расстроенному генералу и, не возвращаясь к разговору, попрощался:

– К себе не приглашаю, срочно нужно доработать документ. Так что в добрый час, генерал.

Саблин привстал, вяло пожал протянутую руку и так и остался стоять, пригнувшись, в опустевшем буфете.

ОЛИВЕЙРА

Оливейра продолжал молчать. Емельянов понял, что главное сказано. Предложение хорошее.

– Товарищ генерал, ему стало известно, что скоро могут произойти события, в которых будут задействованы наши вертолеты. И предлагает продать ему несколько штук. Зарегистрируем их как пропавшие в ходе операции.

Генерал Панов взревел:

– Какая, к черту, операция! Скажи, что я ему не верю. Его подослали с провокационными целями. Может, он теперь служит в ЦРУ?

Емельянов понял, что лучше Панова к дальнейшим переговорам не привлекать. Он уже заиклился на предательстве и не способен к спокойному раскручиванию коммерческого предложения.

– Дорогой господин Оливейра, вы нас ставите в сложное положение. Смешиваете политические домыслы с экономическими вопросами.

– Совсем нет. Мне нужны вертолеты. Четыре машины. И в ближайшее время.

– Вертолеты нужны всем. Но никому не приходит в голову частным порядком просить генерала Панова продать их. И вы бы не пришли к нам, если бы кто-то не сообщил вам ту информацию, которой вы располагаете.

– Видит бог, мне совершенно непонятно, о чем вы говорите.

– Хорошо, уточню. Основываясь на ложных слухах о подготовке к военной операции, вы решили воспользоваться моментом и предложить продать вам машины, списав их исчезновение на удачную стрельбу ПВО УНИТА.

– О... – Оливейра широко заулыбался. – Это была бы чрезвычайно выгодная сделка.

– Что он хихикает? – нервно тряся банкой с пивом, подозрительно покосился Панов.

– Пока врет, но скоро доберется и до правды, – успокоил референт. И, не обращая внимания на генерала, продолжил: – Действительно, мысль интересная. Задача решаемая, но крайне трудная. Машины – ладно, но что прикажете делать с экипажами? Большой вопрос! Слава богу, пока не актуален...

Емельянов глубоко вздохнул и развел руками. Пришло время уже Оливейре разыгрывать непонимание:

– Что же не дает возможности обсудить предложение?

– В том-то и дело, – с веселым сожалением принялся объяснять Емельянов, – операции-то никакой не предвидится. Слухи, неизвестно кем распространяемые, на самом деле ложные. Мы лично ничего про это не знаем.

– Такое невозможно, – заволновался Оливейра.

– Вот видите. Сначала надо узнавать у нас, а уж потом строить планы. Жалко, что вас дезинформировали...

Панов не вытерпел и вмешался в разговор. Причем на этот раз обратился напрямую к мулату.

– Ты, мать твою чернож...ую, соображаешь, к кому пришел? Ты мне разглашение военной тайны предложить собираешься! Бандюга, спекулянт блошинный! Говори, кто навел тебя, иначе арестую к чертовой матери и прикажу выкинуть в океан.

Оливейра испуганно покосился на Емельянова. Референт, словно нехотя, принялся медленно переводить:

– Генерал нервничает и сердится. Он никогда не думал, что его друг, уважаемый бизнесмен господин Оливейра, будет основывать свои предложения на провокационных слухах. Но как человек, отвечающий за мир и спокойствие в регионе, генерал просит указать источник этой информации.

Оливейра понял, что теперь от него не отстанут и игру стоит продолжить. Только смущало чрезмерное раздражение генерала. Черт его знает, чего они от испуга могут придумать. Оливейра не из трусливых. К тому же за воротами генеральской виллы он оставил в машине трех телохранителей, а в багажнике новенького желтого «форда» лежит базука.

Он пожал плечами:

– Раз все придумали и в моем сообщении нет никакой правды, то какая разница, где и кто мне сообщил?

Емельянов кивнул.

– Это действительно особой роли не играет. И если говорить о вертолетах, то предложенный вами вариант их исчезновения, наверное, единственно приемлем. Но есть важный нюанс: невозможно начать ни одну операцию, если о ней уже распространяются злонамеренные слухи. Того и гляди попадет в прессу! Ни один военачальник не стал бы в подобном случае рисковать своим добрым именем. Вы потеряли чувство реальности, – закончил референт и тут же сообщил Панову: – Товарищ генерал, потерпите еще несколько минут. Он вот-вот расколется.

– Валяй, – пробурчал в ответ генерал, насупленно разглядывая прыщик на груди.

Оливейра не сомневался, что русские почуяли добычу, но генерал отчаянно боится политического скандала. Пора приоткрыть карты.

– У меня есть знакомый. Журналист, американец. А может, и не журналист, но представляется так. Его хорошо знают в нашем Министерстве обороны. Он такой... не левый и не правый. Так вот, ему стало известно о кое-каких приготовлениях...

– Он работает на какую-нибудь разведку? – спросил Емельянов, специально не упоминая американцев и ЦРУ, чтобы генерал не заподозрил неладное.

– Не знаю, – уклонился Оливейра.

– Мне скажи.

– Ну, возможно. Тут все на кого-нибудь работают. Привыкли. Но его тоже интересует эта сделка. Поэтому информация дальше никуда не поступит.

– Что интересует его?

– Он хочет приобрести некоторое количество алмазов. Но у него трудности с вывозом. Сейчас здесь за американцами особый контроль. Поэтому он хочет воспользоваться вашим каналом через Москву. Я готов заплатить за вертолеты алмазами. Конечно, в том случае, если вы вместе со своей долей перебросите в Москву и его. А там у него есть ход проскочить таможню в Индию.

– Уж больно ультимативно!

– Зато реально и выгодно.

Емельянов прикинул возможные варианты и решил, раз они все равно знают о готовящейся операции, то полный резон скооперироваться. Когда всем выгоден союз, никто никого не продает. Генералу услышанное можно изложить и попроще. Сделав знак рукой Оливейре помолчать, он обратился к Панову:

– Наконец прояснилось. Просто местный журналист кое-что прослышал в Министерстве обороны. Но это не страшно. Они заодно...

– Чего хотят? – Панов выдавил-таки прыщик и прижигал его, макая палец в рюмку с водкой.

– Договорились, что платить за вертолеты деньгами не резон. Сошлись на алмазах.

– Это лучше.

– Но он готов только в том случае, если кроме причитающихся вам в Москву мы перекинем и еще одну часть.

– Значит, тут никакой политики? – оживился Панов.

– Исключительно коммерция.

– Хорошо, подумаем. Сложно. Двинский под боком. Скажи, что речь может идти только о двух вертолетах. Придется все притормозить на пару дней. Хорошо, что нет приказа от Саблина. Пусть поболтается в Луанде. Сговоритесь, где его найти.

Оливейра попытался возражать. Но Емельянов был непреклонен, и предпринимателю ничего не оставалось, как согласиться и откланяться. Панов снова полез в ванну и уже оттуда приказал Емельянову найти кубинского полковника Родриго Санчеса и назначить ему встречу в физиотерапевтическом кабинете. Госпиталь – самое удобное место для таких встреч. В нем два крыла, кубинские палаты для лежащих больных и советские кабинеты, где работают советские врачи.

НАЙДЕНОВ

Пил подполковник без тостов. Угрюмо и сосредоточенно. Найденов, держа алюминиевую кружку, долго не мог решиться опрокинуть в себя ее содержимое, тем более что налито было почти до краев. И не потому, что не хотелось выпить, а потому, что боялся. Он и трезвый-то не мог врубиться в происходящее с ним. А стоит выпить – все смешается в голове. Рубцов открыл банку килек в томате и ножом пытался поддеть мелкую рыбешку в соусе цвета запекшейся крови. Ему не удавалось, рыбешки разваливались от малейшего прикосновения. Может, поэтому он зло прикрикнул на майора:

– Да пей ты, в конце концов!

Найденов выпил.

– Стоит болтаться из страны в страну, воевать, комаров кормить, чтобы жрать такую гадость! У меня есть жена, деньги... а ухода за мной никакого! Тогда зачем мне все? – Рубцов не оставлял попыток подхватить кильку.

Найденлов запил пивом и с ужасом стал ждать, когда комната поплывет перед глазами.

– Вот у меня Нинка, – не унимался Рубцов, – баба, должен сказать, видная, мужики реагируют. Но по хозяйству не любит управляться. Так, метнет на стол, что под рукой, сиди и жри. Ну, это, с другой стороны, и необязательно, хотя когда прикрикнешь, обед сделает. Борщ умеет приготовить, салом заправит, с томатной пастой и с чесноком, эх, – вздохнул он, – а еще щи с кислой капустой делает. С похмелья оттягивает замечательно... Да, неплохая баба, только смолоду слаба на передок. И бил я ее, и поменять хотел. Плачет, кается, говорит, что в последний раз. Я не верю, но эти слезы, вопли... А потом, какая разница? Другая что – лучше будет? Вот я их подлое племя, считай, лет двадцать утюжу не переставая, и что? Все одинаковые. Это мы, дураки, делим их на б... и святых. Этой цветочки дарим, а эту сразу в койку. И не поверишь, сколько их у меня было, все как одна мужьями гордятся. Нет чтобы сказать, плох муженек, дурак, слабый или еще чего. Нет. Он и умный, и заботливый, и жалко его и вообще ежели б не я, так никогда бы ему не изменила. Ну да что я тебе рассказываю, у тебя своя есть. Тоже сейчас кому-нибудь рассказывает.

Найденлов впервые за последние месяцы подумал о Тамаре и растерялся. Он никогда не воспринимал жену просто как женщину. Для него она была дочерью ответственного работника ЦК КПСС товарища Советова. Тамара ни на минуту не забывала об этом. Каждый день Найденлов получал массу заданий и обязан был выполнять их беспрекословно. Поэтому, когда Тамара по вечерам уходила к подруге, Найденлов блаженствовал, совершенно не впадая в подозрения по поводу ее отсутствия. Иногда она приходила поздно и выпившая, но, не давая ему раскрыть рот, тащила в постель и набрасывалась, словно вернулась с необитаемого острова.

Когда родился Андрюшка, Тамара резко подурнела, заострились черты лица, еще меньше почему-то стали глазки, испортились зубы. Из дома она стала выходить только с ребенком. Найденлов совсем перестал обращать внимание на то, как она выглядит, во что одета, с кем говорит по телефону.

Будучи в Ираке, а потом в Анголе, он ни разу не задумался, есть у нее любовники или нет. Предположим, есть. Что дальше? Скандал? Развод? Крест на карьере? Конечно, приятного мало. Тем более он себе ничего такого не позволяет. Во всяком случае, не позволял до встречи с Анной...

И снова будто иголка проникла в тело и медленно поднимается к сердцу. Ана – сон. Ана – невозможность. Ана – другая жизнь, в которую ему, офицеру Советской армии, путь закрыт навсегда. Странно, сейчас он это понимает отчетливо и безнадежно, а тогда, когда впервые пришел к ней, сидел на круглой тахте, сгорая от желания, тогда не понимал. Случилось невероятное. Он вошел в какой-то западный, запрещенный к показу в совдепии фильм. Все, что с ним происходило потом, никакого отношения к действительности не имело...

Вот она, грациозная и легкая, босиком вышла из кухни с прозрачным подносом, на котором дымились чашечки с кофе. Расстегнула на рубашке еще одну пуговицу, и пространство между грудями матово белело, рождая непреодолимое желание прикоснуться к нему губами. Найденлов неуклюже отодвинулся. Она наклонилась, ставя поднос на тахту, он увидел плавно качнувшиеся груди с теми же крупными, возбужденно торчащими сосками. Ана протянула ему чашку. Найденлов не мог справиться с дрожанием руки и еле выдавил из себя: «Благодарю, подожду, пусть остынет».

Ана забралась с ногами на тахту, и Найденлов смог близко любоваться ее маленькими ступнями с длинными аккуратными, слегка загорелыми пальцами, кое-где кокетливо отсвечивающими золотистым пушком, и плоскими глянцевыми ногтями. Ана пила кофе и продолжала

совершенно не соответствующий возбуждению майора разговор о неизвестной и ненужной ему истории португальцев в Анголе.

Выяснилось, что она дочка профессора, сама занимается историей и поэтому живет в Уамбо, хотя давно мечтает уехать в Португалию, в милый ее сердцу Лиссабон.

Ана рассказывала, не глядя на собеседника. Наверное, она ни с кем давно вот так не разговаривала и получала наслаждение от возможности высказывать свои столько раз повторяемые про себя мысли.

– Мы до семьдесят третьего года жили в Лиссабоне. Отец преподавал в университете, а мама занималась мной. Мы жили в старом городе. На его запутанных улочках всегда пахло лежалыми овощами, жареной рыбой и кошками. Мама сильно болела и часто плакала. Отец все свободное время проводил дома. Был очень нервным и озабоченным. Иногда в солнечные летние дни мы ездили на нашем стареньком «фиате» в деревню отца Алпиарсу. Там из родственников остался только мой дед. Он встречал нас в малюсеньком патио – это такой мощный камнем дворик, – угощал меня и маму дынями, а отцу наливал «тинто» – деревенское красное вино. Мне нравилось ездить туда. Потом мама умерла. Отец не находил себе места и, взяв меня, уехал в Луанду. Теперь я знаю, что он страстно любил маму. Из-за ее болезни он не участвовал ни в какой политике, хотя в то время ею занимались все, особенно в университете. Он не мог остаться в городе, по которому гулял вместе с ней, не мог приходить в дом, где мы все были счастливы, не мог проходить мимо скамейки в парке Эдуарда VII, напоминавшей ему о первом мамином поцелуе. Теперь для него все стало воспоминаниями – и мама, и друзья, и Лиссабон... И я.

Ана закрыла лицо ладошками и замолчала.

– А твои родители любили друг друга? – неожиданно спросила она.

Перед глазами у Найденова возникла коммуналка, тусклая, засиженная мухами лампочка на кухне, отец, спящий на табуретке, уронив голову между засаленными алюминиевыми кастрюлями, и сухой пугающий смех матери за стеной.

– Не знаю, они простые люди, им некогда было.

– Ну да, у вас же все коммунизм строят.

Тогда на минуту, в первый раз, майор почувствовал, что странным образом попал в чужой, закрытый для него мир. Вот тогда бы и поблагодарить за кофе, поцеловать хозяйку в щечку и стремглав выскочить на пыльные улицы Уамбо. Не смог...

РУБЦОВ

– Что-то тебя быстро развезло. – Подполковник встряхнул Найденова, больно схватив его за плечо. Майор уставился на него и не сразу сообразил, чем они тут занимаются.

– Ну-ка, еще по кружке. О деле поговорить надо.

– Может, хватит?

– Привыкай, – жестко отчеканил подполковник и выпил.

Банка с кильками была пуста. Найденов выпил и занюхал хлебом. Но совершенно неожиданно почувствовал себя легко и трезво. Рубцов заметил перемену в его состоянии и одобрительно подтвердил:

– Видишь, лучше стало. Всегда слушайся старших по званию. Они больше тебя выпили и знают. А теперь напрягись и гляди. – Рубцов достал карту Анголы, вытащил фломастер и, приосанившись, принялся объяснять: – Вот здесь, справа, всю территорию занимает Национальный парк, и тянется он вот так, до Мавинга, а дальше сворачивает к Джамбе...

– Там штаб генерала Савимби?

– Да, можно сказать, столица УНИТА. Но не пугайся, штурмовать их, к сожалению, пока приказа нет. Жаль. Вообще, должен тебе сказать, что ситуация в Анголе меня до печенок раздражает. Столько лет воюют, и ничего не получается. Разве это война? Тут постреляли, там постреляли и заседают. Бесконечный военный совет. Дали бы мне роту проверенных мужи-

ков – я бы за неделю закончил всю эту ерунду. Не веришь? Воевать научить невозможно. Это должно быть в крови. Мы, русские, умеем, потому что все наши предки воевали, год за годом, век за веком. Вот у нас и развился талант. Итальянцы, скажем, поют, евреи бизнесом занимаются, французы – любовью, японцы технологию создают, а мы воюем. Даже когда не с кем, все равно воюем... сами с собой. У меня талант, и он ничем не хуже таланта, скажем, какого-нибудь поэта или артиста, или даже ученого, потому что и он от Бога. Когда иду в бой, чувствую такой прилив энергии, такой кураж, что нет силы, которая могла бы меня остановить. И сквозь эти джунгли мы пройдем, как нож сквозь масло. Знаешь, почему мы в Афгане завязли? Потому что в Москве никак не могли решить, до какого предела нужно воевать. А уж те, кто там был, поверь, способны любого противника на уши поставить. Вот бы мне такую роту... Ладно, слушай дальше. Значит, вот тут, на северо-запад от Мавинга, находится крепость, старый форт. В затертые времена еще португальцы строили. Этот форт прикрывает дорогу на Джамбу. По ней идет обеспечение войск УНИТА. Когда наши генералы задумывали операцию, вызвали меня и спрашивают, сколько нужно войск, чтобы атаковать форт? Прикинул, повертел карты, спрашиваю, неужели до этого ни разу не пробовали отбить крепость? Пробовали – говорят в два голоса и Панов, и Саблин. Но ничего не получалось. Непрístupен. К тому же там сосредоточены силы ПВО УНИТА. Сбивают вертолеты, как кокосы. Я покумекал и ставлю вопрос иначе: так зачем же еще раз рисковать? Людей на смерть посылать? Они хоть и не наши, но тоже люди. Ну, Саблин моментально вскипел. И прямо матом на меня. Стою, выслушиваю. Генерал... имеет право. А сам понимаю, что вбили они себе в голову захватить крепость, и хоть умри, подай им ее на тарелочке. Воспользовался моментом, когда у Саблина перехватило дыхание, и спокойно спрашиваю: «А как она защищена с тыла?» Оказывается, не знают. И не придают этому значения. Осталось только удивляться и разводить руками. Саблин важно заявляет, что движение возможно исключительно по дороге, так как с тыла форт защищен джунглями Национального парка. По решению ЮНЕСКО он взят под охрану, и на его территории запрещено вести военные действия. Не поверишь – от неожиданности я чуть не матюкнулся: «Как не ведутся? Что же это за война такая?» Саблин уперся, словно буйвол в мешок с отрубями, мотает головой – не ведутся, и все тут. Там всякие племена живут, флора, понимаешь ли, фауна... короче, заповедник. Представьте, говорит, это у них как заповедник Беловежская Пуща. Ну и что? У нас-то социализм победил, а у них в самом разгаре. Значит, не до парков пока. И потом – пойдешь в Москве, погляди, что с нашим Парком культуры имени Горького сделали. Загадили. Ну, не одни иностранцы, наши тоже постарались. Но на свое, значит, плевать, а ихнее обходи стороной? Тут Панов вмешался. А должен тебе доложить, Панов – мужик скользкий, но ушлый. Он здесь пристроился накрепко. Связи везде. Он с ихним министерством обороны запросто. Чувствуется, есть там общие интересы. Но про что достоверно не знаю, говорить не буду. Тут хитрость в том, что Панов вес имеет, а Саблин всего лишь должность. Панов, значит, и говорит: «А если через парк?» Тогда, говорю, другое дело, товарищ генерал! Выходим в тыл, и вопросов нет. А чтобы не было шума с их парком, постараемся гарнизон выбить без потерь. Тихо, ночью, одним ударом. Пусть после доказывают. Кто занимает форт, тот и прав. И что случится с парком, если мы по нему прогуляемся? Саблин думал, думал, потом махнул рукой: «Делайте, что хотите. Ответственность за операцию несет Панов. Занимайтесь разработкой совместно с ангольской стороной». И ушел. Мне Панов подмигнул, мол, молодец подполковник, верно оценил ситуацию.

Рубцов налил еще по полкружки и закончил:

– Так что теперь мы главные. Понял? Покажем им кузькину мать!

Найденов слушал подполковника с недоумением. В военном училище в Уамбо он спокойно преподавал и представить себе не мог, что где-то в Луанде в советской миссии разрабатываются какие-то боевые операции. Ему казалось, что Ангола тихая страна, где стычки с противоборствующей группировкой происходят редко и носят совершенно внутренний характер.

Конечно, понимал, что наши советники занимаются разработкой стратегических планов обороны и защиты государства. Но чтобы так... Он с удивлением спросил:

– А мы какое отношение имеем ко всему этому? Неужели воевать начнем?

– Как это воевать? Мы не имеем права брать оружие в руки. Только совет и обслуживание техники. Ты будешь устанавливать связь, а я... – Рубцов как-то странно и задумчиво улыбнулся, – осуществлять общее руководство и наблюдение. Саблин перед отлетом в Москву предупредил лично меня, чтобы в районе боев ни одного советского специалиста не было.

– Что, здесь останемся?

– Ну, ты, мужик, размечтался. Полетим в Менонгу, в штаб Южного фронта. Там военным советником полковник Стреляный сидит. Вот с кем пить – одно удовольствие. Возьмет литр на грудь, а потом интересуется, не выпить ли по маленькой. Ладно, посвятил тебя, ввел в курс, имеем право выпить.

– Может, я пропущу? – воспротивился Найденов.

– Да тут на доньшке. Давай кружку.

Чокнувшись с металлическим звоном и глядя в глаза друг другу, они выпили.

– Молодец, – похвалил его Рубцов, – всегда смотри в глаза, когда пьешь. В этом достоинство и уважение к товарищу. А теперь скажи честно – неужели не хочется с «калашниковым» да по джунглям? И одним махом накрыть этот хренов форт!

– Странное предложение. Сколько служу в армии, воевать никогда не тянуло. Зачем? Я ведь служил в Багдаде. Замечательный город. Спокойный, мирный. Все уважают Хусейна, слушаются его. Никаких партизан, группировок. Я там тянул связь в его загородный дворец. Так и надеялся просидеть в тишине. Вдруг приказ из Москвы – отозвать всех специалистов. Никто ничего не объяснил. Предписание выдали – и в самолет. Потом уже в Москве добился, чтобы отправили дослужить сюда.

– Значит, не хочешь? Зря. Кто ж, кроме нас, воевать их научит? – с сожалением вздохнул подполковник. Ему было искренне жаль этих ангольских солдат, которых вооружают и русские, и кубинцы, и американцы, и китайцы, а они, владея отличной техникой, друг дружку победить не могут.

– Мне, как и тебе, наплевать на свару между ФАЛЛА и УНИТА, но коль идет война, значит, нужен победитель. Иначе – бессмысленное кровопролитие. Вся надежда, получается, на нас.

Рубцов замолчал и, заложив руки за голову, уставился в потолок. Найденов не хотел продолжать столь неожиданную для него тему. Но отпустившее внутренне напряжение снова дало знать о себе. А вдруг и вправду подполковник собирается связаться в штурм форта и Панов, чтобы не разбираться с майором, а может, даже с согласия Советова специально посылает его под пули? Догадка легла тяжестью на затылок. Оказывается, как просто можно решить, казалось бы, трудный конфликт. Тамаре сообщат, что погиб при исполнении служебных обязанностей, возможно, даже какую-нибудь медаль перешлют, и не нужно будет травмировать ее сообщением о романе с португальской девушкой. Раз нет мужа, значит, и романа никакого не было. Найденов с ненавистью посмотрел на подполковника, словно он был одним из придумщиков пакостной затеи.

Подполковник, не глядя на Найденова, принялся рассуждать о своем неизбежном будущем:

– Не представляю себе, что можно всю жизнь носить погоны и в конце чинно уйти в отставку. Какой же ты тогда военный? Выходит, не получился. Все равно что летчик. Учился, учился, а в небо не взлетел. Защитником Родины у нас каждый с рождения становится. Помнишь, Высоцкий пел: «Ведь у нас такой народ, если Родина в опасности, значит, всем идти на фронт». Но такой профессии – защитник Родины – нет! Все равно что любитель среди профессионалов. А настоящий военный живет для боя, для победы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.